

Журнал ЦК ВЛКСМ

КОМСОМОЛЬСКАЯ

1990 февраль № 4

ЖИЗНЬ

В феврале мы традиционно поздравляем защитников нашей Родины — тех, для кого служба в армии уже пройденный этап, тех, кто проходит ее сегодня, и тех, кто только готовится к ней,— с праздником!

22 апреля 1985 года Захара Тайгубаева призвали в армию, в Афганистан.

22 апреля 1987 года он был тяжело ранен. День в день... Наверное, говорить после этого о везении по отношению к Захару кощунственно. Но в прошлом году он и еще восемь его товарищей, искалеченных афганской войной, побывали в Венгрии, где венгерские специалисты изготовили для них новые протезы по лицензии фирмы «Отто Бок» (ФРГ). И это, к сожалению, для многих и многих тысяч людей в нашей стране — не только «афганцев» — действительно «везение».

Да и годовалый Эмир, как видите, считает, что ему определенно повезло с отцом.

Фото Николая КОНОНОВА.

НА ТРИБУНУ XXI СЪЕЗДА ВЛКСМ

Перемены необходимы

Полемические заметки секретаря райкома

■ Готовясь к конференции районной комсомольской организации, я не раз вспоминал о заявлении, которое принес в райком комсомолец Владимир Комагоркин, сотрудник ВНИИ оптико-физических измерений. Вот несколько строк:

«Считаю необходимым выразить официальное свое отношение к комсомолу, явившееся результатом восьми лет пребывания в нем.

Комсомол сегодня — это реакционная организация, наносящая огромный вред делу демократизации страны и являющаяся тормозом социальных преобразований. Комсомол — это истоки политического лицемерия, идеологической демагогии и бюрократизма.

...Считаю гражданским бесчестьем молчаливое прозябание в давно уже не Ленинском комсомоле и какое бы то ни было материальное подкармливание его лидеров».

Читать было больно: очевидно, что мы лишились доверия честного и искреннего человека, потому что это заявление о выходе из ВЛКСМ. А на отчетно-выборном собрании в 18-й городской детской больнице, сдав свои членские билеты, из комсомола вышло сразу 26 человек. Подобное сегодня, увы, не редкость.

Действительно, в комсомоле — глубокий организационный и идейный кризис.

Стенаний по этому поводу хватает. Но гораздо важнее самобичевания искать и находить ответы на вопрос «что делать?». Я отношу себя к тем, для кого есть только один ответ на вопрос «быть или не быть комсомолу?».

Быть! Хотя бы потому, что пока это единственная молодежная организация в СССР, у которой, помимо возможности говорить, есть еще и возможность быть услышанной. У которой есть свои газеты, свои, и немалые, средства, свои предприятия. У которой есть право законодательной инициативы и даже свои народные депутаты СССР.

Сплошь и рядом сегодня раздаются голоса об утопичности идей коммунизма, об их кризисе. Но разве утратили свою привлекательность для людей такие принципы, как гуманизм и свобода, равные стартовые возможности для каждого человека и справедливость, солидарность и интернационализм. А ведь это — самые настоящие принципы коммунизма.

Со всем другим вопросом: реализуются ли они в нашей жизни сегодня. За ответом далеко ходить не надо. От нашего Гагаринского райкома две минуты ходьбы до совминовских домов на улице Удальцова, а оттуда полчаса на автобусе в рабочее Очаково.

А то, что эти идеи способны объединять людей, видно по фактам.

После землетрясения в Армении без всяких постановлений ЦК или горкома комсомола член бюро РК ВЛКСМ Сергей Богданов садится за руль «Икаруса» и всю ночь перевозит вещи для отправки в зону бедствия. Более двухсот студентов в первые же дни сдают кровь для пострадавших. Секретарь комитета ВЛКСМ МИТХТ Игорь Гаврилов и почти весь комитет комсомола института с добровольцами уезжают на спасательные работы. Комсомольцы МГИМО проявляют невероятную находчивость для того, чтобы скорее попасть в Спитак и Леникан. Член бюро райкома Сергей Чайкин во главе отряда специалистов два месяца работает в районе землетрясения. Райком комсомола превращается в штаб. Принимает беженцев, расселяет, оказывает первую помощь. Собирает деньги, вещи, продукты. Организует их отправку. Школьники-комсомольцы и пионеры во главе с секретарем РК ВЛКСМ Аллой Орловой и председателем районного совета пионерской организации Валей Тихомировой после занятий в школе сортируют и упаковывают вещи, проводят благотворительный концерт на площади у метро «Юго-Западная», расклеивают по району информацию штаба...

Думаю, одно это показало, что не все в нашем союзе плохо. Есть мощная, здоровая основа, есть огромные потенциальные возможности. Необходимо лишь создать условия для того, чтобы эти возможности организации раскрылись.

Именно такую позицию отстаивала и отстаивает группа членов нашего райкома комсомола вместе с единомышленниками из МГУ М. Сотниковым, П. Романовым, С. Анохиным, ребятами из других регионов страны при разработке альтернативных вариантов Устава и Программы ВЛКСМ к XXI съезду.

Основные положения этих документов опубликованы.

Коротко поясню лишь одно. Это — тезис о самостоятельных во всех вопросах первичных организациях и правах меньшинства в ВЛКСМ.

Мы за то, чтобы комсомольцы имели право создавать свои организации на основе единства идей и интересов. Например, чтобы комсомольцы разных предприятий или учебных заведений района могли создать свою, как мы ее называем, функциональную организацию, не только по производственному признаку, но и на общей платформе для совместной работы и получить все права первичной организации, в том числе, по на-

шей концепции, и право тратить свои средства, определять свою структуру, цели и направления деятельности. Главное — не центр определяет, сколько прав у «первичек», а «первички» решают, какой центр им нужен и нужен ли он вообще.

Дать право комсомольцам внутри организации объединиться по своим взглядам и интересам — это единственный, на наш взгляд, путь сохранить комсомол. Иначе как массовая организация не сегодня, так завтра он прекратит свое существование.

А наше общество, и прежде всего сама молодежь, уверен, нуждается именно в массовой организации. Мы должны сплотиться на этой основе, чтобы быть силой и защищать свои интересы.

В этом контексте давайте поразмыслим лишь над одной из многих реальностей нашей быстро меняющейся действительности. Как ни печально, закончилось гарантированное сверху, по квотам, представительство молодежи в органах власти, СТК, профкомах и т. д. И если мы потеряем свою единственную организацию в лице ВЛКСМ, то завтра каждый из нас может остаться со своими жизненными проблемами один на один.

На наш взгляд, сегодня, до принятия Закона об общественных организациях, необходимо действовать в рамках Устава, изменив его на XXI съезде, отменив те организационные рамки, что мешают эффективной работе.

И здесь необходимо понять, где мы должны быть сегодня сильными.

На производстве, ибо у нас ненормальная экономика, где нет даже равной оплаты за равный труд и где от хозрасчета в первую очередь страдает молодежь.

На территории, так как здесь наша социальная база — школьники, подростки.

Комсомол не сможет быть одновременно и политической и массовой молодежной организацией. И если мы заинтересованы в том, чтобы быть массовой организацией, то в ВЛКСМ надо привлечь молодежь не только политикой, но и атмосферой, общением, возможностью решить свои проблемы, реализовать свои интересы и идеи.

Как это, например, делается в системе молодежных центров. У нас в райо-

не их уже более сорока. В многопрофильном объединении «Спектр» работают более тысячи человек. Они не занимаются политикой. Но именно комсомол дал им возможность заниматься любимым делом. И они — наши союзники.

Значит, на практике предлагаемая модель ВЛКСМ уже начала действовать. Осталось только закрепить ее на съезде, так как слова нынешних руководителей ЦК ВЛКСМ о том, что никто не мешает сейчас работать по-новому, — это слова.

Если комсомол хочет стать частью демократического общества, общества, которым правят законы, а не слова руководителей, то все гарантии должны быть закреплены в комсомольских законах — Уставе и Программе.

В демократическом правовом государстве на основу молодежного движения, на наш взгляд, должны быть положены следующие принципы:

1. Реальный политический плюрализм, возможность существования многообразных молодежных организаций и движений.

2. Свободный выбор молодыми людьми организации по своим интересам, в том числе по интересам политическим. Единственной границей этих интересов должна быть Конституция страны.

3. Равное в юридическом и социально-политическом отношении положение в обществе каждого молодого человека, независимо от того, является он или нет членом какой-либо организации.

4. Восприимчивость молодежного движения к возникновению и развитию организаций, отвечающих реальным потребностям общества и молодежи, а не желаниям каких-либо учредителей.

Для реализации демократической модели молодежного движения, соответствующей вышеречисленным принципам, можно было бы поручить народным депутатам СССР от ВЛКСМ поднять на Съезде народных депутатов или сессии Верховного Совета вопрос о предоставлении реальных прав всем существующим и возникающим молодежным организациям, действующим в рамках Конституции СССР. Добиться принятия такого Закона о добровольных обще-

ствах и общественных организациях, в котором был бы закреплен демократический порядок регистрации молодежных организаций (регистрация по заявлениям).

Сотрудничать со всеми неформальными и иными молодежными организациями, поддерживающими перестройку, исключительно важно для нас в период подготовки к выборам в республиканские и местные Советы народных депутатов.

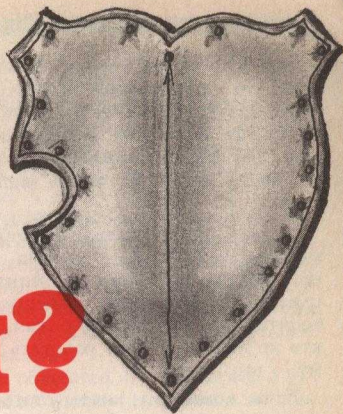
К сожалению, наименьшую активность на прошлых выборах (по крайней мере, в нашем районе) проявили именно молодые избиратели, в первую очередь студенты. Например, в студенческих общешкольных голосованиях голосовало менее 70 процентов проживающих при среднем показателе по району 89—93 процента.

Это тем более удивительно, что такая политическая пассивность была проявлена почти в одно и то же время с бурными демонстрациями протеста у посольства КНР, связанными с событиями на пекинской площади Тяньаньмэнь. Видимо, сыграл свою роль старый стереотип отношения к выборам как к чему-то ничего не значащему. Да и наш райком ВЛКСМ, как, наверное, и многие другие комсомольские органы на местах, допустил серьезную ошибку — ограничился узкоспецифической кампанией по выборам депутатов от ВЛКСМ, лишив себя тем самым возможности получить опыт реальной политической борьбы. Из этого необходимо извлечь уроки.

Выводя из своей среды молодых компетентных лидеров для работы в органах власти, поддерживая их на выборах и помогая в работе после избрания, мы сможем не только констатировать молодежные проблемы, но и самостоятельно участвовать в их решении, как, впрочем, и в решении других проблем бытия. В конце концов нашему поколению уход на персональную пенсию в ближайшие десятилетия не грозит, и именно нам придется жить в том обществе, основы которого закладываются сегодня.

Виктор ГРАЙВОРОНСКИЙ,
первый секретарь Гагаринского райкома комсомола Москвы

С ним или на нем?

Д. Т. ЯЗОВ,
МИНИСТР ОБОРОНЫ СССР
(из интервью программе
«Взгляд», декабрьский выпуск
1989 года):

«Щит»? Я такой организации не знаю, она нигде не зарегистрирована. Да и зачем нам защита какого-то союза отставных военных? Армия сама сумеет себя защитить».

В. ДЕЙНЕКИН,
ПОДПОЛКОВНИК
(из статьи «В тени союза», га-
зета «На боевом посту» от 19 но-
ября 1989 года):

«Есть ли будущее у «Щита»? Как у политической организации — вряд ли, так как для этого нет ни социальной базы, ни здравого смысла».

А. Д. САХАРОВ,
АКАДЕМИК
(из последнего выступления в
Лужниках 26 ноября 1989 года на
митинге союза «Щит»):

«Ваша программа, ваши требования мне очень близки, и я приветствую вас от всей души!»

■ Читателю, живо интересующемуся событиями армейской жизни, эти цитаты скажут многое и уже сами по себе станут поводом для размышления. А для тех, кому пока не ясно, о чем идет речь, сообщим: «Щит» — это Союз социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей (ССЗВВ), учредительный съезд которого состоялся 21—22 октября 1989 года в Москве. На съезде присутствовало 115 делегатов (точнее — участников, поскольку делегирования как такового не было. Прибыли те, кто совершенно различными путями узнал о предстоящем съезде и захотел принять участие в создании этой организации), которые приняли Устав «Щита» и «Программные принципы» союза.

Из Устава общественной организации «Щит»

«Союз социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей есть общественная организация, объединяющая на добровольных началах граждан СССР, заинтересованных в перестройке Вооруженных Сил СССР на основе демократизации их жизнедеятельности и развития социально-политической активности военнослужащих.

За свою идейно-теоретическую платформу союз принимает марксистско-ленинскую методологию анализа развития общества и Вооруженных Сил. Союз строит свою работу в соответствии с Конституцией СССР и советским законодательством.

Целями деятельности союза являются:
— создание профессионального союза военнослужащих в ВС СССР;
— создание условий для формирования армии нового типа — армии правового социалистического государства».

Думается, нет смысла в который раз повествовать о зачастую бедственном положении военнослужащих в нашей стране — их социально-правовой статус никакой серьезной критики не выдерживает. Об этом и написано достаточно, и говорено не раз и не два, но... «Сколок общества», как иной раз называют армию социологи, по-прежнему остается «гордым узлом» нерешенных проблем — узлом сложным и противоречивым. При чем главное противоречие, пожалуй, в том, что одним махом разрубить этот узел не удастся, видимо, никому.

Но тем не менее, пока одних существующее положение дел устраивало, а другие опускали руки после попытки решить все проблемы с наскока, пока третьи в одиночку бились с армейскими бюрократами, группа людей, чья жизнь связана с армией (или была связана в недавнем прошлом), создала «Щит». На сегодняшний день единственную общественную организацию, берущую на себя ответственность реально и на деле бороться за неуклонное соблюдение прав военнослужащих и готовую отстаивать эти права на любом уровне. Неоднозначно, а то и в штыки было принято Министерством обороны известие об «отставных офицерах», которые идут на консолидацию общественных сил для решения давно назревшего армейского вопроса. И можно, конечно, понять недовольство высших эшелонов военной власти — кому охота, чтобы в твоём доме навели порядок сторонние люди: стучались в двери, заглядывали в окна? Ну а если по-другому уже нельзя? Если год за годом меры косметического ремонта не приносят весомых изменений? Если по-прежнему многие офицеры ютятся с семьями по комнатухам? Если забывают порой о своем достоинстве, выполняя очередной каприз «вышестоящего начальства», а главное — целиком и полностью зависят от тех, кому не хочется, чтобы беды и проблемы армии стали темой для открытого разговора с общественностью: мол, сами разберемся! Разберутся, наверно, специалисты все-таки, но вот когда?..

Однако пришло время представить нашего сегодняшнего собеседника. Николай КРАЮШЕНКО, секретарь Калининского РК ВЛКСМ города Москвы, кандидат в народные депутаты РСФСР от комсомола, один из основателей «Щита», в недавнем прошлом сам старший лейтенант, секретарь комитета ВЛКСМ одной из военно-строительных частей. С

ним беседует наш корреспондент Радо-слав ШИШОВ.

«КЖ»: Николай, насколько ясно из развернувшейся дискуссии в средствах массовой информации относительно вашего союза, идея его создания не всем официальным органам пришлась по душе?

Н.К.: Видишь ли, если говорить о первом съезде «Щита», то мы еще в начале октября прошлого года послали приглашение министру обороны СССР Д. Т. Язову, приглашали представителя КГБ, ЦК КПСС, но никто официально не присутствовал. Почему? Это, надеюсь, понятно, хотя чисто ведомственные амбиции здесь могли бы, я думаю, уступить место диалогу заинтересованных сторон.

«КЖ»: А вы считаете себя действительно заинтересованной стороной? Союз уже успели назвать местом скопления «обиженных», «сумасшедших», людей, алчущих депутатской власти, — я имею в виду основателей «Щита».

Н.К.: Да, такие высказывания в наш адрес уже звучали, но посмотри задачи, которые ставит перед собой союз, это будет лучшим ответом на твой вопрос.

Из Устава общественной организации «Щит»:

«Задачи союза:

— защита прав и законных интересов членов союза во взаимоотношениях с военными и другими ведомствами;

— оказание членам союза материальной, социальной, правовой, моральной и иной помощи;

— развитие социально-политической активности членов союза и формирование у них навыков общественного самоуправления;

— содействие улучшению условий службы, труда, быта и отдыха военнослужащих и членов их семей;

— аккумуляция прогрессивных идей, альтернативных проектов и программ совершенствования ВС СССР и создание условий для претворения их в жизнь;

— сохранение лучших исторических традиций русской и советской армий и развитие их на современной основе;

— изучение и анализ, использование передовых концепций и практики военного строительства, накопленных мировым обществом».

«КЖ»: Это пока лишь на бумаге или уже определены конкретные формы работы?

Н.К.: Мы начали работать с первых дней образования союза, даже не будучи еще зарегистрированными официально. Среди первых наших дел — об-

ращение в Верховный Совет об изменении законодательства: у военных должно быть право объединяться в свой профессиональный союз. Как известно, такого права военнослужащие СССР на сегодняшний день не имеют.

Справка:

Расчетный счет союза «ЩИТ» № 161214/700001 МГУ Госбанка СССР
Коммерческий банк «Центрокредит» МФО № 201791. Вступительный взнос — 10 руб-лей. Телефакс ССЗВВ «ЩИТ» 2999576.

Дальше. Уже открыта и вовсю действует наша служба военных юристов, к сожалению, нуждающихся в ее услугах очень и очень много. Первым из всех вопросов, по которым к нам обращаются, — жилищный. На втором месте — взаимоотношения между старшими и младшими по званию. Ну а третье — обращения по уголовно-процессуальным вопросам.

«КЖ»: Можно привести пример?

Н.К.: Недавно к нам пришла мать офицера, который в недавнем прошлом отбывал наказание за преступление, совершенное во время афганской войны. Если смотреть по уголовному делу, то этот офицер якобы в нетрезвом состоянии выстрелом из автомата ранил своего заместителя роты — сам он был командиром этой роты. При проведении независимого расследования открылась масса интересных деталей. Например, в деле у раненого указаны вход и выход пули в одних местах, а при повторном осмотре они оказались совершенно в других. Если разобраться, то этот «нюанс» может стать решающим при анализе уголовного дела. Пусть пример и не совсем характерный, но я хотел сказать, что наши юристы способны находить ответ и оказывать помощь в очень разных жизненных ситуациях.

Из глобальных направлений нашей работы я бы выделил подготовку своих проектов Закона об альтернативной службе — над ним у нас работают доктора, кандидаты наук — словом, люди вполне компетентные и знающие. Мы считаем, что Закон об альтернативной службе должен быть принят в числе первых — это острая необходимость.

Из ориентировки Главпура СА и ВМФ начальникам политических отделов воинских частей:

«Лозунги «Щита» могут быть расценены армейской и флотской общественностью как привлекательные. Вместе с тем, в ходе работы съезда этой организации стали яс-

ны не только декларируемые, но и истинные цели ее создателей. В. Уражцев прямо заявил о том, что «ЩИТ» будет держать курс на создание «самостоятельной политической партии». Таким образом, обнаружилась себя двойная игра создателей «Щита». Налицо обман общественного мнения... Очевидно стремление лидеров «Щита» выдвинуть себя в народные депутаты. «ЩИТ» создан не для решения проблем военнослужащих, а для достижения корыстных целей и удовлетворения личных амбиций его организаторов и нынешних руководителей. Исх НР 72/2/576»*.

«КЖ»: Люди, составляющие организационный костяк союза. Кто они? Откуда?

Н.К.: На учредительном съезде ССЗВВ были избраны сопредседатели «Щита» — это Михаил Тимохов, директор военно-патриотического центра при нашем райкоме комсомола, Виталий Уражцев, подполковник запаса, бывший старший преподаватель общевоинского военного училища имени Верховного Совета РСФСР, бывший работник Главпура СА и ВМФ, бывший член КПСС, и я.

Из ориентировки Главпура СА и ВМФ начальникам политических отделов воинских частей: «...В. Уражцев исключен из КПСС «за грубое нарушение норм партийной морали и этики, выразившееся в фактах грубости и бестактности к товарищам по партии, личную недисциплинированность и демагогические высказывания об армии».

Н.К.: Что касается Уражцева, то скажу одно — этот человек прекрасно знает Вооруженные Силы, не раз ощущал на себе несправедливость, с которой сталкиваются офицеры и солдаты. Без участия Виталия Георгиевича «ЩИТ» мог бы вообще не состояться как организация. Замечу еще, что почетным председателем ССЗВВ съезд избрал генерал-лейтенанта в отставке Матвея Кузьмича Шапошникова — того самого «неизвестного» генерала, который в 1962 году отказался силой оружия подавить волнения в Новочеркасске, за что был уволен из рядов ВС СССР и исключен из партии. Недавно его восстановили в КПСС и одновременно вручили значок «50 лет в КПСС». Съезд также определил состав координационного комитета — 21 человек. Из них 10 служат сейчас и 11 — офицеры запаса.

«КЖ»: Ну а если посмотреть на «ЩИТ» с «высоты птичьего полета» — осуществ-

* Текст ориентировки предоставлен редакцией руководством ССЗВВ «ЩИТ».

вим ли сам принцип влияния на демократизацию в армии, на ускорение идущих там процессов извне? Похоже на утопию.

Н.К.: И теоретически, и практически влияние на Вооруженные Силы извне возможно. Недавно, например, благодаря депутатским усилиям, запросам был опубликован военный бюджет страны. А вспомните лето прошлого года, когда из армии уволили студентов. Ведь ситуация была такая, что, скажем, вечером по телевидению выступает министр обороны и говорит, что никто студентов увольнять не собирается, что МО против этого шага. А на следующий день Верховный Совет принимает решение — уволить. Я ответил на вопрос?

«КЖ»: Вполне. Но какова позиция «Щита» по отношению к внутренним проблемам в армии, как он может помочь их решать? На что именно направлена его деятельность?

Н.К.: Давай конкретно. Первое. У военного человека отсутствует право на труд в широком смысле этого слова — он не может выбрать себе профессию, что часто означает свободно уйти из армии. Чтобы уволиться, военнослужащий должен или плохо выполнять свои обязанности, или, прости за прозу, по-крупному напиться. Только тогда найдется соответствующая статья и офицер будет уволен из ВС СССР.

Второе. Военный человек не имеет возможности в полной мере пользоваться правом на образование. Сам понима-

ешь, ни мне, ни тебе — людям гражданским — для того, чтобы учиться, ни у кого разрешения просить не надо. А военнослужащий для поступления в вуз или другое учебное заведение должен получить разрешение у командира. Командир же может дать «добро», а может заявление и «в стол» положить. Я не стану утверждать, что старшие начальники сплошь и рядом запрещают офицерам учиться, но права как такового все же нет.

«КЖ»: А что касается солдат и сержантов?

Н.К.: Тут разговор особый. Эта категория военнослужащих вообще не имеет права, да и возможности во время прохождения срочной службы учиться в каком-либо учебном заведении. Мы задавались уже этим вопросом: почему солдат, например, второго года службы не может поступить на подготовительное отделение (заочное) института, техникума, училища? Но это разговор о конституционных правах граждан СССР. Если же говорить о нормах внутриармейской жизни, то тут тоже море проблем. Причем самая неожиданная из них — это наше единоначалие. Мы не против этого принципа, но надо разобраться, когда и в каких случаях единоначалие необходимо, а когда просто вредит делу.

Из ориентировки Главпура СА и ВМФ начальникам политических отделов воинских частей:

«Особо настораживают те формы и приемы работы, на которые ориентирует руководство «Щита» своих членов: это саботирование распоряжений командиров, забастовки и т. п. Понятно, что это не повысит уровень боевой готовности войск и сил флота.

Анализ материалов выступлений участников и гостей «съезда», способов и методов достижения обнародованных и скрытых целей руководителей «Щита» позволяет сделать вывод о том, что создается централизованная, полулегальная организация, паразитирующая на стремлении военнослужащих, членов их семей к повышению своей социальной защищенности и обеспечению более высокого уровня жизни».

«КЖ»: А если более конкретно?

Н.К.: Нам неясно, почему единоначалие распространяется на продвижение офицеров, прапорщиков, рядового состава по службе. Здесь, на наш взгляд, вопрос могли бы решать сослуживцы, те, кто служит рядом с человеком. Если они считают, что человек достоин выдвижения, то почему бы не дать им право на это влиять?

Еще пример: у любого офицера есть право арестовать солдата. Арестовать, даже не объясняя толком, за что. Конечно, причина взыскания будет объявлена, но найти ее искусственно труда не составляет никакого. Я сам был офицером и считаю, что этого права у офицеров быть не должно. И вообще, в нашем союзе, по всей видимости, утвердится рано или поздно мнение, что всех этих «неувязок» можно избежать, перейдя на профессиональные рельсы, на профессиональную основу построения наших Вооруженных Сил.

«КЖ»: Но это же очень непросто, особенно сейчас?

Н.К.: Непросто! Кто же спорит? Только давай и здесь попробуем разобраться. Уже сегодня армия у нас полупрофессиональная. В ВВС почти все офицеры. Солдаты заняты только на обслуживании техники. Подводный флот — почти весь профессиональный. В Ракетных войсках стратегического назначения — такая же картина.

Единственное возражение, которое я пока слышал от военных, — это то, что переход к «профи» слишком дорог. На одном из совещаний секретарей райкомов ВЛКСМ выступал начальник отдела оргпартиработы политуправления Московского военного округа. От имени Вооруженных Сил он заявил, что для перехода к профессиональной армии нам потребуется около 140 миллиардов рублей! Я тогда не понял, откуда взялись эти цифры? Естественно, спросил: как вы считали? Ответом была ссылка на «секретность» подсчетов. Но тогда извините, я не согласен с тем, чтобы делались такие заявления и никто при этом не объяснял, как велся подсчет. Кроме того, когда к профессиональной армии переходили США, через несколько лет затраты на ее содержание резко сократились. Выходит, там они уменьшились, а у нас возрастут? Непонятно!

«КЖ»: Я слышал, что «Щит» в своей деятельности намерен поддерживать связи с военным союзом ФРГ...

Н.К.: Да, это так. После нашего съезда мы отнесли в КГБ письмо, в котором заявили, что мы будем устанавливать контакты с зарубежными союзами военнослужащих. В письме товарищу В. А. Крючкову, председателю КГБ, мы просили о личной встрече с ним, чтобы переговорить о сохранности государственных и военных тайн. Это немало важно, и здесь наша позиция однозначна — вопросы секретности должны оста-

ваться вне контактов с «другой стороной». Пока, к нашему сожалению, ответа на письмо не было.

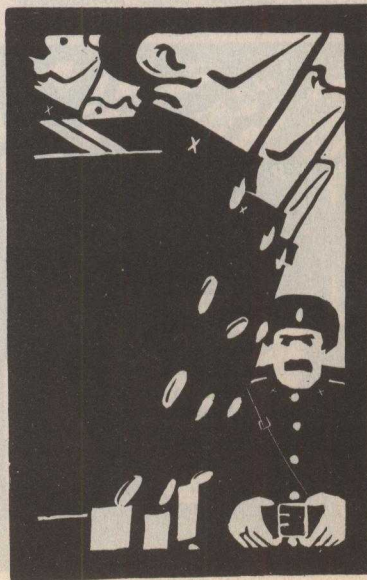
К слову, «Бундесвер ферланд» — профессиональный союз военнослужащих ФРГ — существует уже 32 года, и начинали его тоже фактически с нуля. Думаю, их опыт будет нам полезен. Хотя... у них же другая ситуация: и права они имеют, и министерство обороны ФРГ их поддерживает.

Из ориентировки Главпура СА и ВМФ начальникам политических отделов воинских частей:

1. Учитывая нацеленность «Щита» на дестабилизацию политической ситуации в армии и на флоте, организовать работу по широкому разъяснению военнослужащим и членам их семей истинных целей его создания, антиармейскую и антипартийную направленность их реальной, а не декларируемой деятельности.

2. Принимая во внимание необходимость противодействия попыткам руководителей «Щита» сформировать свои группы и организации непосредственно в воинских частях и гарнизонах, необходимо тщательно отслеживать обстановку в офицерских коллективах. При этом особое внимание следует уделять подлежащим увольнению по сокращению, в чем-то социально ущемленным офицерам и членам их семей.

3. С учетом того, что лидеры «Щита» паразитируют на фактах нарушения социальной справедливости, социально-бытовой неустойчивости военнослужащих и членов их семей, необходимо постоянно заботиться о

Александр ЧЕСАКОВ. «Смирно!»

людях, оперативно решать возникающие проблемы. Активную роль могут и должны сыграть офицерские собрания...»

«КЖ»: Судя по некоторым выступлениям прессы, «Щит» — это некая хорошо законспирированная организация. Ее первички могут быть созданы чуть ли не тайно, а имена и фамилии членов ССЗВВ не разглашаются. Как это объяснить?

Н.К.: Во-первых, о какой «конспирации» идет речь? Такого слова никто из нас никогда не произносил. Просто мы можем заявить со всей ответственностью, что, возможно, на офицеров и солдат срочной службы — членов союза — командование той или иной части, где допускаются факты беззакония, несправедливости и произвола, начнет оказывать давление. Ведь можно создать общественное мнение такое, какое нужно «верхам». Можно в мгновение ока стать «требовательным» командиром и начать сравнивать службу офицера или рядового с неким идеалом — сравнение, конечно, окажется не в пользу первых.

Словом, можно сделать все, чтобы скрыть от общественности реальное, зачастую просто развальное положение дел. Чтобы такого не случилось, чтобы члены «Щита» чувствовали себя в безопасности, не боялись обращаться к нашим юристам, психологам, правоведам, мы предоставляем им право не объявлять свою принадлежность к союзу. Повторю, это не наша прихоть и никакая не «конспирация». Это жесткие реалии сегодняшнего дня. Пока будет так, а если что-то изменится, то, уверен, и необходимость в инкогнито отпадет сама собой.

Комментарий

Итак, на волне демократизации и гласности возникла еще одна общественная организация. Если в стране существует около 60 тысяч различных самодельных общественных организаций («Правда», 10 февраля 1989 года), то в Вооруженных Силах подобного еще не было. Строго говоря, Союз социальной защиты военнослужащих, военнообязанных и членов их семей «Щит» создан не внутри армейской структуры, а вне ее, на что есть, конечно, свои причины. Как есть они и для того, чтобы объяснить тот факт, что создателями «Щита» стали люди, уже закончившие службу в армии, уволенные из нее как по собственному желанию, так и без него. Но сейчас речь

не о них, а о том, нужна ли нашей армии общественная защита?

В последнее время в печати, в том числе и в военной, появилось много публикаций, посвященных проблемам социальной незащищенности военнослужащих и членов их семей. В первую очередь в них говорится о многочисленных фактах нарушения социальной справедливости при прохождении службы офицерским составом. Особенно — в решении кадровых вопросов, обеспечении жильем, трудоустройстве жен офицеров. В этом перечне, который при желании можно продолжить, обращает на себя внимание разный социальный адрес названных проблем. Одни из них (жилье, денежное содержание и т. п.) зависят преимущественно от государственных органов. А вот другие (протекционизм) порождены болезнью внутриармейской среды.

По данным военного социолога Ю. Дерюгина, более 60 процентов опрошенных офицеров считают, что в армии нарушается социальная справедливость. По их мнению, это связано главным образом с получением от своих начальников приказов и распоряжений, противоречащих законам и воинским уставам («АиФ», 1989, № 50). Офицер, начинающий в одиночку вести борьбу с военной бюрократией, как правило, проигрывает, подвергаясь при этом обструкции и досрочному увольнению. Конечно, из этого правила есть исключения. О них иногда пишет «Красная звезда».

На пути тех, кто нарушает честь и достоинство людей в военной форме, становятся первичные партийные организации, комсомол, политорганы, военная прокуратура. Но механизм такой защиты может включиться, а может и не включиться. В проекте нового Устава внутренней службы обязанности социальной защиты военнослужащего возлагается на... его командира. Кто же в таком случае защитит подчиненного от произвола начальника? Сам начальник? Благое пожелание. Куда устлана дорога такими вот пожеланиями, мы с вами знаем...

Если бы начальники любых рангов во всех сферах общественного производства сами обеспечивали права своих подчиненных, то к чему тогда создавались советские профсоюзы, арбитражные суды, конфликтные комиссии — независимые защитники интересов советских трудящихся от советской же администрации? Воинская деятельность — тоже труд! Но права на объединение в союзы

профессиональный союз воин лишен. От этого факта никуда не денешься. Как известно, «свято место пусто не бывает». И если, скажем, название «Щита», конкретные люди, его организовавшие,— это согласно диалектике случайность, то само появление ССЗВВ — это закономерность. Потребность армейской ответственности в собственной, независимой от ведомства организации назрела и проявилась в ее создании.

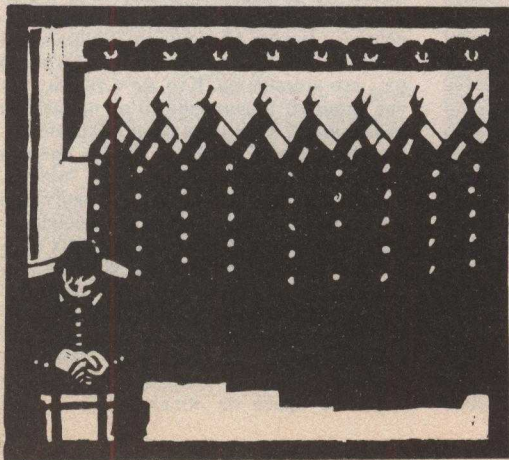
В принципе эту организацию или ей подобные мог бы заменить вновь вводимый в Вооруженных Силах институт офицерских собраний. Но это возможно лишь в том случае, если собрание офицеров будет наделено широкими полномочиями и правами в решении всех внутриколлективных проблем, будет иметь независимые финансы и печать. Возможно, что все к этому и придет, и тогда, если военнослужащие поверят в действительность вновь создаваемых структур, им не придется идти «на поводу» у неформалов.

Это об офицерах. Но что же делать остальным? Куда обращаться солдатам и матросам? Эти вопросы остаются пока без ответа. Вот почему я не спешил бы с однозначными оценками «Щита». Здесь не годится испытанный аппаратный принцип — всеми силами найти любой компромат, чтобы доказать себе и другим, какие эти неформалы плохие. Или хранить полное молчание, как будто ничего и нет вовсе. Более правильно, на мой взгляд, признать, что возникновение ССЗВВ — явление естественное и объективно обусловленное. Признав «Щит» де-факто, почему бы не попытаться установить с ним контакты, поискать точки соприкосновения, общие направления

деятельности его и Министерства обороны, Главного политуправления СА и ВМФ? К сожалению, пока обе стороны на компромисс не идут. Кто первым сделает шаг навстречу? Наверное, тот, кто первым откажется от претензий на истину в последней инстанции.

Идею создания военнослужащими и всеми, кому дорога наша армия, демократических общественных организаций поддержали присутствовавшие на учредительном съезде ССЗВВ «Щит» народные депутаты СССР полковники В. Мартиросян, Н. Петрушенко, подполковник В. Подзирук, А. Крайко. Выступил на съезде генерал-лейтенант в отставке, Герой Советского Союза М. Шапошников. Говоря о трагических событиях 1962 года в Новочеркасске, этот старый большевик посетовал, что в то время подобного Союза защиты не было и некому было защитить права тех людей, которые отказались исполнять изуверский приказ стрелять в народ...

Исследуя аргументы в пользу «Щита», нельзя забывать и о том, что не одна лишь эта организация олицетворяет собой процессы демократизации в Вооруженных Силах СССР. Убежден, что немалые резервы содержатся в деятельности партийных, комсомольских организаций армии и флота. В решительном настрое большинства военнослужащих на осуществление кардинальных перемен в военном ведомстве. Думаю, что немалую помощь нам смогут оказать народные депутаты на всех уровнях Советской власти. Армия — детище народа. Ей сегодня как никогда нужна общественная всенародная защита. — Жорж СЕНОКОСОВ, военный психолог, подполковник.

Из серии
«Взгляд из строя».

Александр ЧЕСАКОВ.
«Вечер».

Афганистан - Омск - Венгрия

ЗА ФАКТОМ

Сначала мы должны извиниться перед Захаром Тайтубаевым за то, что на нашей обложке только его фотография. К сожалению, нам так и не довелось встретиться с его товарищами, тоже получившими ранения в Афганистане и вместе с ним побывавшими на протезировании в Венгрии. Но причина тому... свадьбы, на которых и были ребята-«афганцы», кто в качестве жениха, а большинство в качестве гостей. Так что нам остается лишь с опозданием поздравить молодых, пожелать им всего-всего самого-самого и констатировать: жизнь продолжается.

Афганская война не обошла омскую землю. По сведениям городского объединения воинов-интернационалистов «Гвардия», 92 человека погибли во время боевых действий на чужой земле, трое пропали без вести, около сорока человек ранено, причем почти двадцать — тяжело.

Тяжело — это...

«— ...ампутация обеих ног выше колена, перелом лобной кости,

- ампутация голени,
- отрыв стопы,
- ампутация бедра...»

Тяжело это...

— Жена сейчас дома сидит с ребенком. Я учусь на юридическом в университете. 100 рублей стипендия плюс 120 пенсия. Хорошо бы получить автомобиль «Ока». В «Запорожье» зимой не ездишься, он холодный, и очень замерзает правая нога, стопа-то разбитая. Левая в протезе ничего, а эту чуть застудишь — и в больницу. В прошлом году три месяца на операциях и в нынешнем, наверное, тоже придется.

Тяжело это...

— Нет смысла давать рекламу этой поездке и самому факту протезирования наших ребят за рубежом, — считает директор молодежного центра «Сталкер» при Омском обкоме комсомола Сергей

Бабыкин. — Почти случайность, единственный случай.

Об этом и речь.

Омский обком ВЛКСМ поддерживает побратимские связи с Пештским обкомом Союза демократической молодежи в Венгрии. С этих связей все и началось. Нет-нет, я не собираюсь описывать все перипетии подготовки поездки «афганцев» на Будапештский завод лечебных вспомогательных средств. Да это и не так важно. Скажу лишь, что, несмотря на участие и обкома комсомола, и МЦ «Сталкер», и объединения «Гвардия», и облсполкома, и омского областного протезно-ортопедического предприятия; несмотря на активную встречную работу Пештского обкома СДМ, Пештского Красного Креста и центра приемательской молодежи «ПЕТАК»; несмотря на то, что вслед за первой группой ребят поедет вторая, — вся эта организационная работа все же пока остается «единичным случаем».

Вы спросите, а почему, собственно, так важно, чтобы протезы были зарубежными? Тем более, что омское ортопедическое предприятие — одно из лучших в стране. Сюда едут протезироваться люди из Москвы, Риги, Новосибирска и еще из множества городов Советского Союза. Извечный вопрос: а чем мы хуже? Попробуем найти ответ на самом протезном предприятии.

Увы, главного врача Виктора Абрамовича Ишала нам повидать не удалось (он только что уехал в отпуск). Зато мы встретили техника Евгения Анатольевича Кузнецова, который вместе с главврачом сопровождал «афганцев» в поездке в Венгрию. Но Евгений Анатольевич разговаривать с нами отказался, сославшись на то, что «главный врач лучше расскажет», а в завершение этой мысли высказав пожелание, что «вот нам бы валютки достать», тогда, мол, и зарубеж за пояс заткнем.

Заместитель директора предприятия Галина Леонидовна Нарыгина встретила нас не в пример радушнее и, проведя по цехам, мягко говоря, не блещущим последними достижениями НТР в этой области, рассказала, что технология изготовления протезов у них несколько не хуже западной. Что один парень из тех, кто в Венгрии ездил, уже приходил к ним менять крепление на советское. И что вообще наши протезы ни в чем западным не уступят. Разве только, что у них (у западных) материалы получше. Правда, Галина Леонидовна, кроме одного венгерского протеза на том парне, других никаких не видела, но не думает, что есть какая-то принципиальная разница.

Это верно, принципиальной разницы нет. Искусственная нога или рука, как ты ее ни совершенствуй и ни камуфлируй, живой не станет, но... Вот выписка из статьи И. Транчица в «Омской правде», где рассказывается, как проходила поездка:

«Заиграла музыка, и, к изумлению присутствующих венгров, наши ребята пошли танцевать, пригласив растерявшихся девушек Илдико и Марину. Вальсировал с женой Натальей и Слава Володин, у которого ампутированы обе ноги. Наташа после танца со слезами на глазах признавалась, что потеряла надежду на то, что Слава когда-нибудь сможет даже ходить, передвигаться».

— Да, танцевали, — рассказывает Захар, — хотелось новые протезы опробовать как следует. Сначала медленные танцы, а потом и быстрые тоже. Ишал всем говорит, что танцевали мы, мол, на старых протезах. Это неправда! На старом был только один, это он и крепление ходил менять — просто у него культя очень маленькая, и нужно, чтобы протез крепился не к ней, а к поясу или ремнем через плечо.

А венгерские протезы с нашими не сравнить, хотя и у них есть недостатки. Но у них зато хорош внутренний материал, которым гнездо для культы выстилается. В наших там моментально все вытирается и рвется, чего только не подкладываешь. И венгерские гораздо легче наших. Вот попробуйте...

Мы попробовали. Легче.

Мы не специалисты, но, думается, читатель, достаточно будет тебе взглянуть на фотографию, чтобы отличить советский протез от зарубежного — мы специально попросили Захара поставить их рядом. И потому, как неспециалисты, мы продолжаем скептически относиться

к заявлениям специалистов, что «у нас ничем не хуже». И вряд ли сумел бы Сергей Обыграйков на отечественном протезе показать венгерским школьникам боевую кату десантника — было и такое...

— Это так, один-два раза пофорсить, — качает головой Захар, — а насколько это тяжело, больно, я знаю. Новые протезы, конечно, хорошие — это факт. Но дело, по-моему, в людях. Венгры, например, на своих протезах еле двигаются, а наши ребята только их надели и спокойно ходят. Они там все обалдели даже, когда увидели.

Да, мужеству этих ребят учить не надо. Но вот вопрос: долго ли еще будет продолжаться это испытание советского человека «на прочность» — и речь сейчас не только об «афганцах» и не только об инвалидах. И кто же ответит на тяжелое недоумение Захара Тайгубаева, который не может понять, почему не сделать всего-навсего прочные прокладки из резины, которая бы не рвалась, ведь в «космосе же наверняка используют качественные материалы, есть же они у нас?»

Размышляет об этом не один Захар. Думают об этом и в молодежном центре «Сталкер». Там еще и пытаются действовать. Слово вновь Сергею Бабыкину:

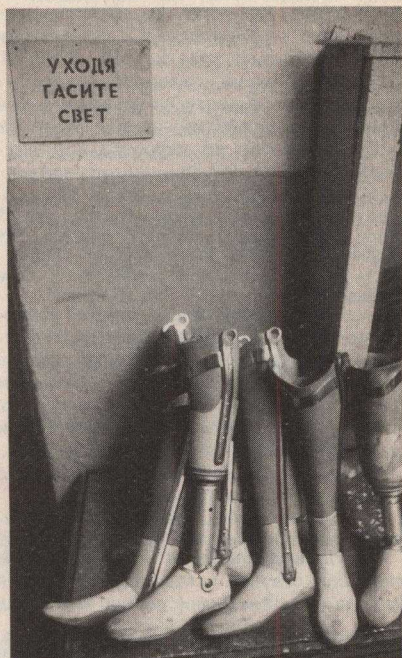
— Я считаю, что тяжелораненые воины-«афганцы», да и вообще любой инвалид в нашей стране, имеют право на качественную ортопедическую помощь. Ждать, пока наше здравоохранение поднимет протезные предприятия до европейского или американского уровня, еще очень долго. Кроме того, для этого у него ни качественных материалов, ни крепкой базы. Заниматься же постоянным вывозом людей за рубеж на протезирование — это никаких денег не хватит, да и «вывозящих» организаций у нас почти нет. Выход поэтому только один — создавать совместные с Западом лечебные предприятия, скажем, с той же фирмой «Отто Бок», чьи филиалы работают в Венгрии. Передовая технология, обучение наших специалистов, высококачественные полимеры и т. д. Создавать такие совместные предприятия можно на базе уже существующих наших. Причем здесь важно сделать это не в одном месте, а создать сеть по всей стране, чтобы не было паломничества, как, например, к Кашпировскому. Но, я повторяю, нужны немалые деньги — один молодежный центр этого не потянет. Мы можем начать создавать информационную сеть, чтобы точно знать, где и сколько человек нуждаются в помощи. Но для широкой постановки дела, строительства, реконструкции старых предприятий, заключения контрактов, для создания инфраструктуры необходимы мощные спонсоры.

В общем, нужны усилия многих и мно-

гих организаций, но только совместные. Тогда будет толк.

Тут и вспомнилось: «Нам бы валютки, тогда...»

Александр ФРЯЗИН.
Фото Николая КОНОНОВА

ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, РАССКАЗАЛ

ВЗГЛЯД ИЗ СТРОЯ

— Да, я хотел бы увидеть эти свои работы на выставке. Чтобы люди ходили, смотрели. А потом理所当然, со звоном, разбить стекла на этих граворах...

...Мы сидим в мастерской художника, в высокие окна пробивается редкое зимнее солнце. Светло от сочных, ярких

красок на жизнерадостных, энергичных, ироничных, смелых холстах... Александр Чесакову 26 лет. Родился в Москве, в семье архитекторов. Рос воспитанным, интеллигентным мальчиком, с пятого класса учился в художественной школе, затем окончил Московское художественное училище памяти 1905

года (МХУ). А речь идет о серии гравюр — некоторые из них представлены в «армейском» номере журнала, который вы держите в руках. До 1988 года — под разными, разумеется, предложениями — к экспозиции их не брали. Три гравюры впервые были приняты на 18-ю молодежную выставку в Москве, в Манеже, а затем на Всесоюзную, там же, в Манеже. В организации обеих принимал участие ЦК ВЛКСМ.

— Это очень здорово, — говорит Саша, — ведь я почти не верил, что мои работы когда-нибудь увидят свет. А сейчас надеюсь на персональную выставку показать все одиннадцать гравюр.

— Ты ведь не график, Саша. Живописцу ли не знать возможностей цвета? Что же заставило выбрать именно эту форму — вырезать линогравюры? Линолеум — материал мягкий, работать с ним труднее...

— Зато он дает четкое, строгое черное белое пятно. Я хотел выразить ежeminутное внутреннее напряжение; ведь в карауле, в казарме, даже в увольнении ты не свободен. Постоянно давит то, что у тебя только два пути — или навязать свою волю, или подчиниться... Конечно, линолеум иногда совершенно неожиданно рвется под резцом...

— Так же хрупки, легкоранимы человеческие взаимоотношения, особенно в армии?

— На моей выставке в Дании ко мне подошел старый датчанин, служивший еще до второй мировой войны. Похлопал

меня по плечу и сказал на ломаном английском: «Армия одинакова во всех странах». Утешил, так сказать.

— Все-таки, Саша, хотелось бы чувствовать рядом плечо мужчины, с которым надежно, а не хлопика, не труса, не эгоиста, ты ведь не будешь спорить, что возвращаются ребята, возмужав?

— Думаю, человек рожден не для того, чтобы стрелять и убивать. Не должен призываться каждый! Должна быть возможность выбора: или армейская служба, или выполненная работа, в которой нуждается общество. Во всяком случае, нужно сократить срок службы. Ведь зачастую крепкие парни в армии выполняют некавалифицированную работу. Мы, например, занимались охраной и пропускным режимом воинского учебного заведения. Сутки — караул, сутки — отдых, сутки — КПП. Чему можно научиться на такой службе за два года — профессионалов все равно не выйдет. А возьмем Устав. Сколько ни вдалбливай обращение «товарищ сержант», нормальный человек не может так обратиться с погодку, призванному из одной деревни — через два-то года совместной службы! Формализм в армии просто убивает. Вот почему ребятам так нравятся мастерски ушитая форма, подрезанный каблук, отполированная пряжка, загнутая с шиком кокарда. Это попытка разнообразить и по возможности очеловечить мир, в котором находишься. Ну зачем, скажем, после отбоя, когда все сыты, на кухне пекут необыкновенные блинчики? Да они, как ритуал ста дней до приказа, как ежевечерняя сказка про министра обороны — творчество, попытка нормальных человеческих отношений. На месте политработников я бы приветствовал любые неформальные проявления. Пусть будут праздники рубежа первого и второго года службы, Новый год, день рождения, годовщина свадьбы, 20-летие. Это лучшее средство против унижительной «дедовщины». Она ведь тоже творчество, только жуткое, направленное на насилие. Те же датчане, например, говорили, что у них не доходит дело до стирки чужих вещей, пришивания подворотничков.

— Неужели воротничок пришить труднее, чем сутки стоять на ветру с автоматом?

— Вопрос чисто женский. Конечно, нет, кстати, за два года солдат достигает совершенства беложивейки. В воротничке, пришитом с любовью, есть определенный шарм. Дело в том, что пришивальщик становится объектом унижения и у него

Александр ЧЕСАКОВ

«Кульминация».
Солдатские сны.

возникает ответное желание самому кого-нибудь заставить служить себе, а если не получается, с тоски хоть в морду дать...

Демобилизовавшись, Александр понял, что тема не отпускает. Он рисовал, еще, еще. Вот он перед вами, «дембельский альбом» Александра Чесакова.

— Конечно, работы кому-то покажутся слишком мрачными. Но на гравюрах, не помещенных в журнале, ситуации еще острее. Отслужив, я хочу уничтожить эту давящую до сих пор и на меня тяжесть. Мое желание сродни чувствам первобытного охотника, который втыкал стрелы в наскальное изображение мамонта, а затем с легким сердцем шел убивать его по-настоящему. Я хочу расстаться со своими работами, подчеркнуть не самую светлую полосу в своей жизни.

— Как ты относишься к комсомолу в армии?

— Я сам был секретарем комсомольской организации. Горжусь до сих пор, что сумел создать теплую атмосфе-

ру в подразделении. Мы делали все от сердца — читали стихи, пели, рисовали, общались. Я никогда не тыкал пальцем, отдавая приказ: этому — спеть, а тому — сплясать. Пытался максимально помочь раскрыться парню самому, уважать в нем личность.

Вглядитесь еще раз в гравюры Александра Чесакова. «Кульминация», «Смирно!», «День», «Вечер». Черное, белое.

...Многих других его работ я не увидела. Они на выставках — «Молодость России» в Центральном Доме художника, нашумевшей «Эрато и эротика» на Каширской, несколько гравюр серии сейчас в Сан-Франциско на коммерческой выставке, одним полотном всерьез заинтересовался в качестве декорации театр...

...Черно-белый «дембельский альбом» на полу мастерской режет глаз.

И мне, как Саше, хочется, чтобы их не было, этих черно-белых листов...

Любовь ЛОШКАРЕВА.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

“ ДЛ Я ЧУЖИХ — ВРАГИ, ДЛ Я СВОИХ — ПРЕСТУПНИКИ ”

Наш постоянный читатель, конечно, помнит, что так называлась статья, опубликованная в десятом номере журнала за прошлый год. Речь шла о тех солдатах и офицерах, которые совершили преступления, когда проходили службу в Афганистане, и отбывали наказания в местах заключения.

Напомним, все началось с письма в редакцию бывшего капитана Бурхона Джабборова, осужденного на 13 лет за убийство двух афганцев, как он был

уверен тогда — душманов. Вот что писал Бурхон: «...оказалось после разбирательства, что это не так. Трагическая ошибка? Но тогда некогда было разбираться, потому что на войне — или ты, или тебя. Обстоятельства вынуждали действовать быстро и подчас жестоко, не раздумывая. Я не стал бы писать это письмо, если бы не объявленная Генеральным прокурором амнистия всем военнопленным, если бы не простили даже тех, кто продавал оружие врагу и

сдавался в плен, испугавшись трибунала. А мы? Неужели к нам так и не будет снисхождения?»

Тогда, в мае 1989 года, в примечании «от редакции» мы обращались в Главную военную прокуратуру и Верховный суд СССР с просьбой учесть новые правдивые знания об Афганистане, отойти от юридических схем, навязанных политической конъюнктурой, и, создав комиссию, заново разобраться в трагических судьбах этих людей. Мы просили поддержать нас в этом обращении народных депутатов СССР от комсомола и тех, кто сам испытал на себе тяготы афганской войны. Нас услышали, но услышали по-разному.

В редакцию пришли сотни и сотни писем от читателей в поддержку точки зрения журнала. Нам звонили по телефону, звонили и от себя лично, и от имени целых коллективов: требовали немедленно передать номер «КЖ» со статьей своему народному депутату (как раз шел первый съезд), чтобы он немедленно выступил с этим вопросом, просили дать адрес колонии...

Пришел ответ и из Главной военной прокуратуры, подписанный полковником юстиции В. А. Макаренко, где, в частности, говорилось: «Все они осуждены правильно, и оснований для постановки вопроса об опротестовании принятых в отношении каждого из них (осужденных.— Ред.) судебных решений не имеется». Примерно такой же ответ получила из прокуратуры и газета «Комсомольская правда» после своего сентябрьского выступления «Капитану никто не пишет» на ту же тему.

Казалось бы, яснее некуда. Но... здравый смысл и гуманизм все-таки победили. И, признаемся, нам приятно сознавать, что в этой победе есть и малый

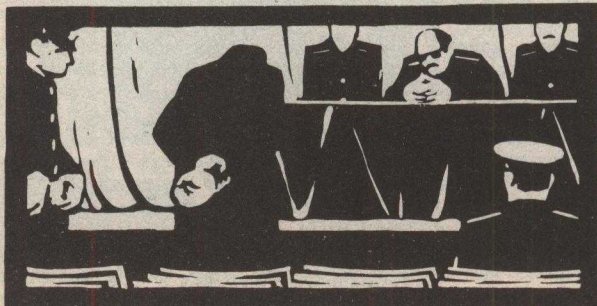
вклад нашего журнала, хотя приоритет, безусловно, принадлежит обществу страны, депутатам от ВЛКСМ и депутатам-«афганцам».

28 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принял постановление «Об амнистии совершивших преступления бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане». Б. Джаббаров, М. Мухтаров, С. Филиппович, П. Рекемчук и еще две с половиной тысячи осужденных солдат и офицеров с 15 декабря 1989 года обрели свободу. Также сняты судимости с тех, кто к этому времени уже отбыл срок наказания за совершение преступлений во время несения военной службы в Афганистане.

Что ж, можно ставить точку. Но нам кажется, что было бы неправильно по отношению к читателям журнала не предоставить им слова на страницах. Мы готовили обширный обзор ваших откликов на статью «Для чужих — враги...», чтобы еще раз привлечь внимание к этой проблеме, но амнистия нас опередила. Тем лучше! И все же одно письмо — на наш взгляд, наиболее характерное и компетентное — мы сегодня публикуем.

«Я ручаюсь за них»

Не могу оставаться равнодушным, прочитав статью о бывших воинах-интернационалистах в вашем журнале. Да, действительно, небольшое количество военнослужащих попали из Афганистана в места лишения свободы за такие преступления, как убийство мирных жителей, мародерство и разбой. Наряду с мужеством и героизмом наших воинов в боях с мятежниками, надо признать,

Александр ЧЕСАКОВ.

«День».

были и такие случаи, такие люди. Боевые действия не обходятся без потерь с обеих сторон, но нужно провести четкую грань между уничтожением врага с целью достижения победы и убийством в укромном месте с целью грабежа. Однако, будучи в Афганистане и активно участвуя в боевых действиях, испытал на себе всю шаткость, ненадежность и двусмысленность положения наших ребят в вопросах применения оружия по мятежникам. Дело в том, что порой невозможно разобраться, кто перед тобой — моджахед или мирный дехканин. В Афганистане все мужчины с 13 лет и до глубокой старости — воины, все носят оружие, и отношения со многими племенами у власти очень неустойчивые. Даже если, обстреляв твою группу, мятежники затем будут захвачены, но успеют спрятать в камнях оружие, то уже никак не доказать вышестоящему командованию, особенно политработникам и сотрудникам особых отделов, свою правоту. Пусть у тебя есть раненые и погибшие от рук этих бандитов, им всегда верили больше, чем нашим воинам, и отпускали, улаживая мелкими подарками.

«Наличие в руках оружия на момент захвата» — вот единственный критерий, определяющий, что перед тобой душман. Даже если оружие убитого душмана унесли на твоих глазах его сообщники, ты становишься убийцей и тебе не оправдаться.

Однажды мы сдали в компетентные органы несколько пленных с оружием и сопроводительной запиской. Один из них — главарь банды. Каково же было мое удивление, когда после их допроса сотрудники органов предложили мне «сдать 25 тысяч афгани», которые я якобы изъял у пленных при задержании. Эти «сведения» нашим органам сообщил главарь. И надо сказать, что такой способ сведения счетов с советскими военнослужащими был распространен очень широко и повлек ответные меры — многие командиры просто перестали приводить пленных...

Другой пример из личной практики: во время боевых действий подразделения в горах, при густом тумане осталось без сухого пайка. Вертолеты в такую погоду не могли его доставить. На третьи сутки голодания у моих подчиненных начались приступы головокружения, появилась слабость, а предстояло пройти еще много километров по горам. По рации ответ был один: «Потерпите еще...»

Тогда, взяв с собой двух десантников, которые еще могли нормально двигаться, я спустился в ближайший кишлак и выменял у чабана одного барашка на часы «Сейко», купленные в дукане на чеки с последней полочки. За сценой обмена наблюдали афганские воины, которых мы прикрывали с горы, и находившийся с ними советский военный советник. Вернувшись на свою высоту, накормив десант, мы выполнили боевую задачу до конца и вернулись к своим. Там меня ждали крупные неприятности. Думаю, что «советник» обогнал меня, и начальство искало офицера, который «ограбил всех жителей кишлака, поотбирал у них часы, угнал половину отары и уничтожил остальную скот». Спасло меня только заступничество подполковника Крулянкина, не раз видевшего меня «в деле». Возможно, по большому счету я и был не прав, но если бы этот советник погибал у меня на глазах, то, скажу правду, не поднял бы я своего оружия, чтобы выручить его из беды.

Рассказал все это для того, чтобы нарисовать реальную картину положения дел в Афганистане. Чтобы читатели журналов знали о том, в каких непростых условиях провинились и оказались за решеткой бывшие воины. Я никого не оправдываю, но уверен, что пребывание за колючей проволокой заставило их глубоко задуматься над смыслом своей жизни и поступков и, получив свободу, они встанут на честный путь. Ручаюсь за это! Олег РУБЕЦ, капитан, командир десантно-штурмовой роты, «афганец», кавалер ордена Красной Звезды.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы обращаемся ко всем партийным, комсомольским, другим общественным организациям с большой просьбой: не оставить без внимания, без поддержки этих людей, на чью долю выпало столько испытаний. Помочь им скорее вернуться к нормальной жизни.

Мы просим всех, кто не остался равнодушным к судьбам бывших воинов «афганцев», когда они находились в местах заключения, не забыть о них и после их возвращения домой.

Мы обращаемся и к самим возвратившимся — пишите нам, как будет складываться ваша мирная жизнь? Возможно, вам потребуется помощь — мы постараемся ее оказать. В любом случае нам важно узнать о вашей дальнейшей судьбе. Нам и нашим читателям.

День памяти

Из сообщения Комитета
Верховного Совета
по международным делам
о политической оценке решения
о вводе советских войск
в Афганистан:

«Полагаем необходимым информировать второй Съезд о предложении многих народных депутатов и представителей общественности нашей страны, чтобы из завершения вывода войск из Афганистана, а именно 15 февраля, сделать Днем памяти».

Вот и еще одна «армейская» дата февраля. Но если двадцать третье — это наша гордость, то пятнадцатое — наша скорбь. Наверное, мы и так не смогли бы забыть это число в календаре, но справедливее — День памяти...

И пусть сегодня на наших страницах вспомнят этот день те, кто сам прошел в разное время через огонь афганской войны, а в феврале 1989 года встречал в Термезе колонны наших войск, покидающие Афганистан. Последние колонны.

Газета факультета журналистики МГУ «Журналист» посвятила этому событию спецвыпуск, который назывался коротко — «Вывод».

Предлагаем вам из него две заметки.

Сопоставима ли цена?

15 февраля... День праздника, день поминовения.

Самая долгая в истории Советского Союза война ушла в историю, но осталась в сердцах незаживающим ожогом памяти. Неизвлеченные осколки, недоленные раны, невернувшиеся друзья останутся с нами, пока ходит по земле поколение, вынесшее и выстрадавшее эту войну.

Для меня война завершилась 14 февраля 1985 года. К подъезду подрулило такси; взлетела до третьего этажа и шлепнулась в мягкий российский снег солдатская шапка, распахнулись родные двери. Но еще четыре года принимали смерть в «зеленках» Чарикара и Ханабда ребята все моложе и моложе меня. Кто знает, закончилось бы сейчас выполнение «святого интернационального долга», не сменись в марте 1985 года политическое руководство страны.

Афганистан... Мы узнали, что помогаем тебе людьми в одной из последних в 1979 году программ «Время». Отзвуки первых боев и боль первых потерь не доходили до нас. Вскоре на обложке «Крокодила» появилась искаженная физиономия дяди Сэма, с тоской произносящего «Амин!». После этого не должно было оставаться сомнений в историческом значении нового шага в борьбе за мир. Многие страны бойкотировали Олимпиаду, и в олимпийское лето я впервые услышал от своих сверстников осуждение ввода войск в Афганистан. Но все это было так далеко.

По утрам встает солнце, вечером можно сделать уроки, если больше делать нечего. В армию идти осенью 82-го, а пока есть деньги и молодость, можно съездить в Москву и посидеть в баре. Возвращаясь с одной из таких посиделок, наступишь на выходе из метро на ногу человеку чуть старше тебя. Его лицо почему-то перекосится от боли, в его лице не останется ничего человеческого, и он будет бить тебя головой о ближайшую стену. А чуть позже, уже в отделении милиции, он со слезами станет повторять: «Извини, брат. Я из Афгана. Большая нога». Мы выйдем из отделения и на-

всегда разойдемся в разные стороны, но мне почему-то захочется попасть в Афган. Так и получится...

Я уходил туда, откуда не долетали отзвуки боев и боль потерь. Впрочем, я сам описывал в письмах погоду, свой полковой быт и свое хорошее настроение. Афганистан долго еще для многих оставался за кадром.

Но он и его уроки живут в каждом из нас. Без Афганистана я никогда бы не пришел на философский факультет, не задумался над всей сложностью общественных отношений. В целом, в Союзе появилась когорта людей, способных отстаивать свое мнение. Трудно напугать выговором, постановкой на вид и прочими булавочными уколами человека, знающего цену жизни и смерти. Это ясно.

Вопрос в другом. Сопоставима ли цена?

Андрей ЛАРИН,
студент философского факультета.

Это долгое возвращение

Мы вернулись, но возвращение наше длилось не с 15 мая по 15 февраля.

Что такое сегодня почти миллионный корпус бывшей сороковой армии? Кто они, «афганцы»? Прежде всего люди. Мы славим имена героев и будем продолжать это делать. Но мы молчим пока о тех (а они есть среди нас), кто, начав мирную жизнь, встал на путь нарушения законности. Вроде бы два противоположных лагеря. Но время черно-белого взгляда на жизнь проходит. Среди героев встречаются подлецы и среди преступников — честные люди. И вот, чтобы последним не причинить вреда, иногда разумнее промолчать, потому хотя бы, что общество само еще не готово к полному признанию собственной вины. В нашем болезненном сознании постоянно присутствует образ врага, которому мы приписываем и свои грехи. Это не синдром Афганистана, а синдром нашей общественной жизни.

Какая сила сводит нас, «афганцев», вместе? Вначале это была война. Сегодня — ее осколки в наших сердцах. И все же мы не можем все встать в один строй, защищая одни и те же идеалы, потому что не Афганистан родил и воспитал нас. Мы стали намного взрослее, жестче. Это не значит лучше. Мы стали трезво оценивать жизнь, пропуская ее через свое «я» и в большинстве случаев осознавая, что человеку нельзя жить без чувства собственного достоинства и его надо уметь защищать.

Нам хотелось чистых отношений, а они зачастую оказывались униженными. Хотелось понимания и доверия — а их не было.

Ты вернулся, брат? — Не совсем.
Это чувство нам так знакомо,
Будто ты далеко, и нет дома
У тебя среди каменных стен.

Вы считаете, что мы вернулись? Нет, оно еще не закончено, наше возвращение. Ни мысленно, ни душою мы не можем еще расстаться с Афганистаном. Нам как воздуха все не хватает правды. Пусть она ядовита, но вдохнуть ее всю мы должны. От этого не станет легче, увы...

Мы — люди. Мы — разные. По-разному сложились и будут складываться наши судьбы. Хочется напомнить вам, братья: вы научились уважать себя — учитесь ценить других. Это важно. Тогда, возможно, исчезнет вынужденная изоляция от общества. В современном мире далеко не все решается насильственным путем, надо идти к взаимопониманию. Достичь этого нелегко, тем более, что мирная жизнь не всегда бывает мирной, но достичь — надо.

Давайте попытаемся вернуться совсем — найти среди людей, тоже очень разных, свое место. Попытаемся сделать это не теряя чувства собственного достоинства, не пересекая границ разумного. Пусть люди увидят лучшее, что в нас есть, и пусть наша память сохранит образцы человеческих отношений, выточенных годами войны.

Игорь ЕПИФАНОВ,
студент факультета журналистики.

Все взрослые родились очень давно. Они всегда говорят о «своем поколении» и о «своем времени». Они об этом любят говорить. О нашем, о молодом поколении взрослые не говорят — они его оценивают или судят, иногда просто не замечают... Может быть, нам надо начать разговор первыми?

— Что значит моды? Какой?

— Моды — не понимать, моды — не расслышать то, о чем поет человек. Вы цените только то, как он спел. У вас нет протяженности во мнениях. Вы бегуны не на длинные дистанции.

— А как же я могу еще отгнестись к тем выступившим, я бы сказала, бабушкам, очень самозабвенно певшим не помню о чем? Они даже тональности

РАЗГОВОР...

Ты меня к себе не примеряй.
Если что не так — ты не ропщи.
Ты меня возьми — и потеряй,
А потом возьми — и отыщи!..

Борис ВАХНЮК.

Последний вагон. По случайности незапертая дверь тамбура. Если ее открыть, ветер ударит по лицу и рельсы будут убегать прямо из-под ног. Для меня, папа, это в первый раз. Мы едем на фестиваль туристской песни куда-то на северные озера. Ты — в качестве председателя жюри, я... в качестве твоей дочки. Ты уверяешь, что мне понравится.

Палатки, гитары, гитары, палатки, котелки, костры, улыбки, комары. Мы сидим на бревнах. Поются песни, твои и не твои, знакомые мне с детства и совершенно новые. Ночь — белая, лица сидящих — рыжие от костра, как огоньки сигарет. Огонь потрескивает в такт гитарам, голова трещит от покоя и праздника. Закончился второй день нашего присутствия здесь, наступила вторая ночь. Пока ночь не стала утром, давай поговорим...

— Я тебе не помешала здесь?

— Во время фестиваля я тебя наблюдал... Нет, не помешала. Просто я впервые заметил в тебе, своем отпрыске, почерк поколения. Вы — экстремисты. Вы выносите приговоры. И не от имени следного, а от имени моды, от имени себя.

не соблюдали. Это же было смешно.

— Да, этих «старушек» поощрять нельзя. Но и обижать их нельзя. Ни детей, ни старушек. Тем более — смеяться им в лицо. Это был принцип нашего поколения — никому не смеяться в лицо. Прислушиваться, а не выносить приговора.

— А как тогда объяснить то, что мальчик, певший песни Башлачева, кроме тебя, никому в жюри не понравился? Почему они привязались к его эпатажу и «примитивной, почти не существующей» мелодии? Почему же не прислушались?

— Они привязаны к жанру. Они, не смотря на разные возрасты, не прижили Башлачева как явление. Они считают, что у него совсем другой жанр.

— Нужно разделять рок и бардов?

— Это нужно делать обязательно. Рок невнимателен к слову. Року важно дерзко себя заявить. А барду важно проверить на аудитории, прав ли он в своих заблуждениях. Рок идет поперек, бард — вглубь. Рок — это детская болезнь левизны. Он скоро умрет.

— А разве бардовская песня не умерла?

— А что ты знаешь о бардовской песне?

— А что ты знаешь о роке?

— Року присущ почерк — дерзости на всякий случай...

— ...Как и нашему поколению. Ты ведь это хотел сказать?

— В этом ваша беда и наша. Когда вас о чем-нибудь спрашивают, вы заранее готовы на дерзкий ответ. А может, человеку просто нужно улицу перейти. Вы всегда думаете, что вас ловят на чем-то нечистом, на вашем иждивенчестве.

Почерк иждивенчества присущ и нам, и вам. И если вернуться к началу нашего разговора, то все-таки, наверное, нет разницы между поколениями, а есть нежелание прислушаться, услышать друг друга. Все желают говорить, приговаривать, а выслушать и помолчать — этого свойства нет ни у кого. Привыкли: сверху грызть, а снизу огрызаться...

— Значит, вы были добрее к старшим?

— Нет. Мы были вежливей, что ли. Мы слишком верили, что их жизненный опыт стоит за тем, что они говорят.

— А мы не верим.

— Вы же сами нарывае­тесь на крик. Вы с вожделием ждете крика, чтобы отреагировать на него так, как только вы умеете.

— Да, мы всегда в боевой готовности, потому что мы к крику приучены и заранее можем знать, что нам предьявят.

— А почему у вас не возникает мысли взять за руку кричавшего, отвести в сторону и поговорить с ним по-человечески? Отчего ты матери ни разу не объяснила своих позиций? Отчего ты уходила в молчание, уходила из дому? В этом и беда вашего поколения, что вы думаете, вас никто не поймет, кроме вас самих. Вы привыкли к тому, что с вас спрашивают. А спрашивают не с вас, вас спрашивают.

— Ты говоришь от имени себя. Я знаю, что так, как ты, разговаривают, слушают совсем не все. В основном начинается ругань. Скажи, какое право имеет, скажем, какая-нибудь интеллигентная на вид старушка подойти к хипу на улице с криком: «Мразь! Пойди умойся и отрежь волосы! Мне противно на тебя смотреть!» О чем она его спрашивает?

— Почему ты переносишь почерк не самых лучших из старшего поколения на все поколение? Отчего тогда не даешь права старшим почерк не самых лучших в вашем поколении переносить на всех вас? И вы говорите: «Старика — скоты» — или что-то в этом роде.

— Мы говорим в ответ! Просто так я

не выхвачу из толпы человека и не заору на него: «Мразь!»

— Ты знаешь, я теперь точно могу сказать, что мы вырастили, желая того или нет, поколение оценщиков в ломбарде. Вы точно знаете цену произведенному продукту. Произведенному не вами: «ты не так сделал, не так огранил, не так спел». Поэтому мне и рок-группы смешны. Все, что они делают, — это буря в стакане воды. Причем стакан делан не ими, вода добыта не ими и даже не ими налита.

— Вот ты и выносишь приговор. Ты мне рассказываешь про меня, не зная меня, так же, как и рок-музыку. Или не понимаю.

— Тебя я понимаю, даже не принимая. Я затагиваюсь в круг твоих заблуждений, потому что надеюсь, что они временные.

— Я думаю, они временные. Скажи, ты относишься ко мне как к дочери?

— Я давно уже не могу так к тебе относиться. И к сестре твоей тоже. Наверное, потому, что вы рано стали взрослеть глазами. Я не чувствую разницы возрастов. Я наравне общаюсь и с внучкой, потому что она — нормальный взрослый человек, несмотря на свои пять лет. Иначе я не могу — не знаю, понятно это тебе или нет?

— Мне все понятно. Потому что я наполовину в твоём времени, наполовину — в этом. Потому что ты один из начинателей бардовского движения. Потому что гитарно-песенная среда — моя естественная среда. Потому что даже поход на байдарках, в котором я никогда не участвовала, мне знаком. Все изза тебя.

Я люблю рок и не терплю на него нападков. Но если кто-нибудь из моих друзей со смешочком рассуждает о ваших песнях, мне больно. Потому что я жалею, что я не твоя ровесница, что живу сейчас. Ты думаешь, что мне не понравилось на этом фестивале, а мне так хорошо не было никогда! Но я приеду в Москву и пойду на концерт, на котором будет рок, и я буду ловить кайф.

— Десять лет назад бардов вырубили. Им заткнули глотки. Теперь разрешили рок, теперь разрешили нас. Мы все рабы нашего строя. Мы не получаем полностью ничего. Бардовская песня совершенно естественно возникла во времени, принадлежащем нашему поколению. И то пространство, которое многие годы

не было ей заполнено, оказалось пространством между нами и вами. Может быть, поэтому мы никак не можем договориться, никак не сядем за стол переговоров. Единственный посредник между нами — это телевидение. Не радио. Потому что барду надо смотреть в глаза.

— А мне по телевизору не интересно.

— Тогда единственная возможность с вами договориться — это затаскивать вас на слеты, на концерты.

Голос твой уехал куда-то вниз. Это ничего. Прокашляйся, я подожду... У тебя глаза очень зеленые и горят, как огоньки у такси. На что похоже твоё горло? На хриплый звук саксофона. Мне очень его жаль. Оно никогда не устает что-то кому-то объяснять, даже случайным людям. Вот этому, например. У него на лице заранее изображено непонимание происходящего. Он и не понимает. Я же вижу! А ты все стараешься, мерно отбивая рукой такт своей речи и своими силами... Я же тебя люблю, а не он. И я понимаю, что ты очень много куришь. А ему на это наплевать...

— Знаешь, дочь, мы как-то выяснили, что студент филфака знает поэзию гораздо хуже, чем человек, побывавший на этих фестивалях хоть десяток раз. Потому что прежде всего в основе такой песни лежит поэзия. «В ритме слова» это называется. А слово всегда было средством, способом общения, общения на уровне обнаженного нерва.

Для кого-то главное приехать сюда, чтобы найти своих слушателей, для кого-то — своих авторов... Люди жгут костры. И чем больше будет у человека этих костров, тем больше у него возможности отличить туфту от настоящей поэзии, от настоящего общения словом. По таким фестивалям всегда жуткая тоска, потому что здесь общение — без ритуалов.

— Но ведь собираются на конкурс, а не для того, чтобы пообщаться.

— Я всегда был за то, чтобы не было вторых, первых, третьих мест. И ты увидела, что это так. Просто большое собрание. Люди отчитываются за год жизни... Десять минут на прослушивание, два часа на ожидание своей очереди, три минуты на песню — и все. Потом наступает общение безо всяких условностей и конкурсов.

— Не кажется тебе, что вы ходите сю-

да, мы ходим на рок-концерты за одним и тем же — быть вместе?

— На рок-концертах вы устаёте физически. А здесь устает мозгами. Бард заставляет пройти тот путь, который он сам прошел, пока писал песню, пока ее разучивал на гитаре. Он работал, он тратился. Не твой это путь — уходи к другому костру. Тебе предлагает пройти какой-то другой путь. Но обязательно пройти, достичь вершины и потом, пройдя, отдохнуть. Не помню, кто сказал: «Бардовская песня — это форма спасения личности...»

Я, наверно, не прав, но мне кажется, что на рок-концертах все сливаются в одну массу, одинаково вскидывают руки, одинаково зажигают спички, одинаково кричат. Все — в едином порыве, как рота на марше, хотя и это — искусство. А вот вышел фильм «Застава Ильича». Там показан знаменитый вечер поэтов в политехническом. И долгое время камера, пока звучит Окуджава, идет по лицам, глазам. Все разные! Я не отделяюсь от рок-музыки, но это этап для созерцания, а не для постижения. Рокмену важно не что сказать, а как сказать. Они в странном положении: революция уже совершилась, а они все еще революционеры. Хотя единственным революционером, мне кажется, остался Башлачев. Он разбивал в кровь пальцы и мозги — и находил слово!

— Не понимаю, почему ты так открещиваешься от нашей музыки? Ведь она в чем-то пошла и от вас. Началось-то все со способа выразиться. Ты говоришь, вас запрещали — теперь разрешили. Но уже почти не интересно. То же самое и с роком. Все повторяется.

— Да, только мне сейчас не очень-то пишется, а рокерам — вовсю.

— Если бы ты побывал хоть раз на одном концерте, ты бы понял, что нет пустоголовой массы. Все слушают. Кто-то кричит, кто-то прыгает, кто-то думает. Но все вместе — и от этого хорошо!

— Как можно расслышать что-нибудь через оружие динамики? Вы просто слушаете ритм.

— Можно расслышать. Просто у нас уши растут так, что им понятны слова под самую громкую музыку.

— Возможно... но почему ты все крутишься вокруг рока?

— Просто я пытаюсь прийти к какому-то согласию. Ты ведь крутишься вокруг бардовской песни...

— Да я не против рока. Но он существует до тех пор, пока поющие его и слушающие не наедятся. Наестся бардовской песней невозможно.

— Почему же? Знаешь, мне кажется, что рок слушает гораздо больше народа. А кроме любителей авторской песни, остальным она просто не нужна.

— Как не нужна! Ты даже не представляешь ее масштабы. Они огромны. Она так же собирает стадионы. Ее знают. Ее поют. И совсем не обязательны возрастные рамки. Ты просто не видела, сколько на каждый слет приезжает молодежи, причем не случайной — знающей. Вообще, я тебе скажу, единственный способ поговорить отцу с дитем, как выясняется, — это брать дите на поляну в лес, на эти фестивали.

Я вижу, что ты прав. Нам не надо было затевать этот спор. Мы ни к чему не придем, потому что у нас одинаковые весовые категории, и у нас — ничья. Мы останемся каждый при своей любви, я — к тебе, ты — ко мне. И поколения не стоят втупывать сюда. Но я все-таки спрошу:

— А какой способ поговорить дитю со своим отцом? Взять тебя на рок-концерт?

— Нет, я через полчаса устану.

— А я с тобой на поляну поеду. Так кто же упирается? Мы поменялись ролями. Ты не слушаешь меня или не слышишь. Так что мы появились из вас. Я — твой ребенок! И отсюда можно объяснить непонятные тебе некоторые стороны моего характера...

А если я принесу тебе кассету, ты будешь слушать?

— Буду.

...Ты устало смотришь в одну точку. Уже совсем утро. Дым от твоей сигареты, как ниточка, бежит ко мне. Какой же долгий был у нас разговор. Прости, что я так тебя замучила... Мы редко видимся. Приедем в Москву, ты опять куда-нибудь уедешь, в какой-нибудь мне неизвестный город. У меня было время спросить тебя о главном, но я не спросила. Да и ты не задал мне такой же вопрос.

— Как живешь, папа?

— Как живешь, дочь?

Но я знаю, что мы ответили бы в унисон твоим любимым словом:

— НОРМАЛЬНО!..

Татьяна ВАХНЮК.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Зачем детей заводят?

■ У нас большая семья. И я в ней не самая старшая из детей. Есть сестра, которая замужем и живет отдельно. И есть младшие братишки и сестренки. Живем мы в селе. Все, значит, на виду.

Я учусь в девятом классе. И все школьные годы четверка — это редкая для меня отметка. Все больше «отлично». Я сама считаю себя хорошим человеком. Только понаблюдав, как происходит мое общение с родителями, любой человек сделает нелестные обо мне выводы.

К примеру, стоит появиться в нашем доме кому-либо из одноклассников, он услышит из уст мамы обо мне такое, что я потом без слез стыда в глаза ему смотреть не могу.

Могут при соседях последними словами обозвать. Для этого много не надо, достаточно просто вечером к друзьям на улицу выйти. А они, кстати, никакой не разбитной, наоборот, запуганной и забитой меня считают.

За хорошую успеваемость родители никогда и не похвалят. А если в неурочное время иду в школу на вечер, тут такие словесные помои на мою голову выливаются... А как же, это ж значит несколько часов от моего рабского домашнего труда оторвать. Чтоб даром хлеб ела — этого отец с матерью не позволяют.

К другим детям они поласковее. Немного, конечно. А все-таки. Я же хожу в золушках. И сама не понимаю, как это до сих пор не обозлилась, не возненавидела их. Пока только жалею. Ведь, наверно, если они так жестоки, у них самих детство и юность были куда хуже, чем у меня. Но мне и себя жалко, братишек-сестренку. Чему хорошему научат нас недобрые с нами родители...

Честное слово, иногда думаю, зачем мои родители столько детей завели?

Написала я вам, потому что в последнее время все чаще и в прессе, и по телевидению слышу призыв быть милосерднее. В семье его, милосердия, тоже не хватает.

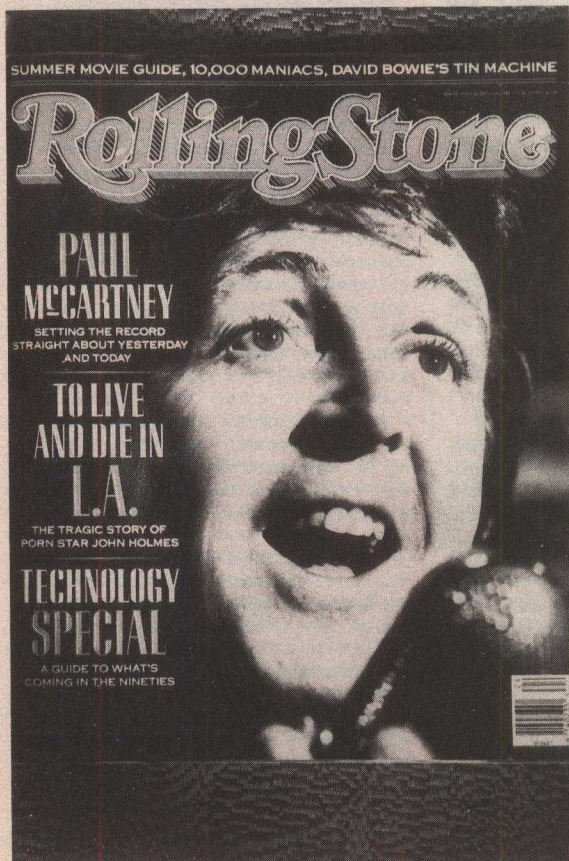
К. ГРОВОВА.

Гурьевская область.

Джеймс ХЕНКЕ

Вернется ли Пол Маккартни?

Многие годы у него не выходило хитовых пластинок. Другие битлы предъявляли ему судебные иски. Но при помощи своего нового, очень сильного альбома «Цветы в грязи» впервые после долгого перерыва экс-битл делает все возможное, чтобы укрепить свой имидж и вновь вернуться на вершину.

Помоги!

...Одна из «вечно непримчивых» английских газетенек нашла в наше безрадостное время приятную новость — «БИТЛЗ» ВОЗВРАЩАЕТСЯ! Согласно «Дейли Стар» самые знаменитые сыновья Ливерпуля — Ринго, Джордж и Пол, тронутые очередной трагедией на футбольных трибунах Шеффилда, где погибли почти 100 ливерпульских болельщиков, — согласились вновь собраться и записать сингл, средства от коего пойдут семьям погибших. Полу, видевшему по ТВ, как разворачивалась трагедия, не терпится записать. Джорджа и Ринго в Англии нет, но они скоро прилетят. То есть прилетят, как только их менеджеры с ними свяжутся. То есть их менеджеры непременно хотели бы помочь...

Информация «Стар» оказалась неверной.

Перетягивание каната

— Как только происходит нечто подобное, кто-то пускает похожий слух,— говорит Маккартни,— я даже привык. Про воссоединение «Битлз» будут думать, пока мы не умрем. И даже тогда будут надеяться. Да еще предложат два миллиона, чтобы мы воссоединились с Элизом Пресли.

Маккартни, в 46 лет сохранивший юношескую привлекательность, сверкает улыбкой «милого битла». Мы сидим в небольшом офисе — репетиционное помещение и студия — недалеко от его дома в Сассексе, в двух часах езды от Лондона. Такую редкую аудиенцию бывший битл предоставил, потому что ему необходимо рекламировать новый альбом «Цветы в грязи». Первый студийный альбом Пола за почти три года подбросил (он надеется) его обратно на верхние ступени поп-лестницы. Сейчас, однако, разговор — к неудовольствию Маккартни — фокусируется на его отношениях с товарищами по прежней группе. И он ворчливо признает: эти отношения не очень хорошие. Причина — иск, предъявленный ему Джорджем, Ринго и вдовой Леннона Йоко Оно. Суть спора — сделка, заключенная им с фирмой «Кэпитол» в семидесятые годы, дающая ему больший процент прибылей от пластинок «Битлз», чем другим битлам.

— У нас была встреча. Я им говорил, что я, например, слова не скажу, если они пойдут на «Кэпитол» и смогут получить то же, что и я. Пусть даже они заберут все, я не возражаю. Но в их понимании до сих пор — один за всех, все за одного. Это прекрасно! Но мы же разошлись в 69-м году. Я-то помню, что мы разошлись.

Группа в движении

...Шесть музыкантов, набившись в крошечную студию, пускаются в одну песню рок-классики пятидесятых за другой. Заправляет всем Маккартни, одетый во все черное. Его волосы с проседью всклокочены и почти достают до плеч. Трудно не прийти в благоговейный ужас: это, в конце концов, Пол Маккартни, бывший битл. Он берет свой знаменитый бас «Хофнер» в форме скрипки — к нему сбоку до сих пор приклеен липкой лентой лист с программой последнего концерта «Битлз» — и шагает к микрофону. Откидывая голову и зас-

тенчиво улыбаясь во время пения, он смотрится страшно знакомо. «Можете мне поверить,— говорит один из продюсеров, сидящий в студии,— Полу сейчас хорошо. У него отличные музыканты и хорошие отношения с женой».

С момента их свадьбы, 20 лет назад, Пол и Линда были неразлучны. На домашнем фронте они постарались сохранить имидж голубков в гнездышке. Одновременно им как-то удалось вырастить четверых детей вдали от глаз публики. Однако их музыкальное сотрудничество было более спорным, и Линде пришлось выдержать известную долю пинков от критики.

— Считаю, что Линда не очень способна. По-моему, это не так, но критики спорят. Один раз я пошел у них на поводу — взял других людей петь гармонии. Но все зазвучало так, черт возьми, идеально! Так скучно!.. Ее роль — это второй клавишник и вторые голоса. По-моему, не плохо, и на нее не много нагрузки. К тому же она добавляет в процесс крепкую дозу юмора.

Снова в СССР

Еще летом 1987 года Маккартни обратился к своему менеджеру Ричарду Огдену с неординарным предложением: он хотел выпустить по неофициальным каналам альбом рок-н-рольной классики 50-х годов, недавно записанный им с группой английских музыкантов, и сделать вид, что будто этот альбом контрабандно привезен из Советского Союза. Короче, Пол Маккартни захотел выпустить пиратскую копию своего же альбома.

— Это была безумная идея, но она захватила меня. Это отличается от того, что я обычно делаю. Раньше такого было больше, больше кайфа, отвязки...

К сожалению, Огден посчитал своим долгом поставить в известность руководство фирмы грамзаписи певца — неудивительно, что те задавали идею.

— Я был крайне недоволен. Сейчас и так всех заедает скука, а тут не дают сделать такую прекрасную «мерзость». Слишком высокие для таких шуток, что ли?

Огден, однако, не забыл про идею и на рождество отпечатал пачку пластинок, снабженных русскоязычными обложками, в подарок Маккартни. Пол вновь задумался.

— Неожиданно все перевернулось. Рейган и Горбачев переговорили, и я подумал: смутные, но надежды.

Что, если выпустить альбом в России? Можно сказать, что это дружеский жест.

Огден вылетел в Москву и встретился с официальными лицами «Мелодии». Заключили сделку, давшую право «Мелодии» отпечатать 400 тысяч экземпляров «Вновь в СССР», пластинки, содержащей 13 рок-стандартов от «Кэнзас-Сити» до «Миднайт Специал». Пластинка пулей влетела в хит-парады России. В Америке и Британии она моментально стала коллекционной редкостью.

Писаки книг в бумажных переплетах

«Пол — скряга. Он обманывает своих музыкантов и не делится с детьми. Он одиночка без близких друзей, окруженный людьми, всегда говорящими «да» и действующими как буфер между ним и публикой. Он безжалостный бизнесмен, поглощенный деньгами...»

Если пробежаться по бесчисленным книгам, написанным о Маккартни и «Битлз», портрет нашего героя получится весьма непривлекательным. Едва пытаясь скрыть свое раздражение, Пол говорит:

— Почитал я тут одну часа три. Этот малый, автор — он поклонник Джона, и все время твердит: «Джон — это все! Пол — это ублюдок!» Мое отношение таково: крепкая же я скотина, коль вы обо мне так думаете. Но я-то знаю, что я не такой.

Трудно сказать, каков на самом деле Маккартни. «Пол, которого видит публика, — ненастоящий Пол», — говорят его коллеги. «В нем сидит пресс-агент. Все время присутствует фасад. Пол давно выучил, сколько себя надо отдавать или не отдавать, чтобы удовлетворить мир. И он обладает легендарным шармом при встречах один на один».

— Как насчет самых громких жалоб Денни Лейна (гитарист «Крыльев»), что Пол недоплачивает музыкантам?

— О'кей, возьмем Денни. У меня в конторе — квитанции на миллион фунтов, выплаченных ему. Теперь назовите мне любого парня в любой группе, получившего столько же за такой же период совместной работы. Я не прав? Тут я вынужден не согласиться. Тот миллион стоит больше, чем стоит миллион теперь.

— А заявление «биографов», что Маккартни одиночка, человек, любимый массами, но без близкого друга?

— Да пошли вы... Мне неинтересно. Люди, пишущие такие вещи, даже не знают меня. Меня не любят — прекрасно. Говорят пакости — отлично. Однажды они все окажутся не правы.

Маккартни считает, что его проблемы проистекают из его роли в расколе «Битлз».

— Я тогда оказался «плохим парнем». Однако я — тот парень, который спас состояние битлов, и они позже благодарили меня за это. Но я не хочу тратить всю жизнь на оправдания и полагаю, что со мною все в порядке. Просто мне очень, очень повезло в жизни, и я очень много работал. Это принесло деньги и славу. А все дерьмо вокруг — плата за славу.

С небольшой удачей!

— У вас есть современные вопросы?

Каким бы сердечным он ни был, Пол Маккартни не любит говорить о «Битлз», исках и о своей личной жизни. Да и с какой стати? Как он сам замечает — у него есть новый альбом. Не надо быть гением, чтобы сообразить — Маккартни много поставил на эту пластинку. Последний его альбом, достигший «Топ 10» (первая десятка), был «Перетягивание каната». С тех пор Маккартни постоянно катился вниз. Очень пестрый альбом «Трубки мира» с синглом «Say, Say, Say» (дует с М. Джексоном), побывавшим на первом месте в хит-параде, в списках альбомов добрался до номера пятнадцать. «Передайте мой привет всей улице» дошел лишь до номера 21. «Нажми, чтоб заиграло» — чуть более авантюрный альбом 86-го года, застрял на 30-м месте. Тем временем, к удивлению многих, Джорджу Харрисону как-то удалось выйти из творческого забвения и «забрать» весь свет на себя, выпустив два альбома, пробившихся в «Топ 10». Это «Cloud Nine» («Седьмое небо») и «Странствующие Уилберриз» — результат сотрудничества с Бобом Диланом, Роем Орбисоном, Томом Петти и Джеффом Линном из «ЭЛО». В результате Маккартни оказался вторым по популярности живым битлом. А Пол никогда не любил быть вторым. Сейчас он признает, что хоть и бессознательно, но успех Джорджа его подстегнул.

Какова была ни была мотивация, «Цветы в грязи» — это лучший альбом Пола со времен «Перетягивания...», а по песням даже может сравниться с уже

классическим «Группа в движении» 1973 года. Кстати, часть этих песен Маккартни написал с Элвисом Костелло. В 87-м Пол вновь позвонил ему и предложил поработать вместе. Они закончили девять песен, четыре из которых вошли в «Цветы в грязи».

— Мне очень хотелось сделать альбом, с которым можно выехать на гастроли и о котором мы говорили. Помоему, он ничего. И группа тоже неплохая. Я чувствую, мы можем выйти на стадион и раскачать народ. Есть еще что-то такое в нас, старых птеродактилях... Но если люди меня оставляют, то я уйду навсегда. Но, по-моему, до этого далеко.

Долгая и извилистая дорога

После трехчасового разговора Маккартни готов поставить точку. Но есть еще одна история, по его мнению, много говорящая о «Битлз», обо всем, что было о них написано, об их месте в истории.

— Это случилось в одной из моих частей поездов в Америку. Я остановился в магазине, и ко мне подошла

какая-то дама. «Я бы хотела, чтобы вы познакомились с моей дочерью. Она только что прослушала курс по «Битлз» в летнем лагере». Я согласился, и дочка сказала: «Здорово вы записали то послание в конце «Сержанта Пеппера!» Я сказал: «Нет же, мы этого не делали, даже не знали об этом». Это правда, я ничего не знал, пока однажды в доме не появились поклонники и не сказали, что, произрывая тот кусок назад, можно услышать нечто неприличное. Но девчонка держалась твердо: «Послание было намеренным». Я сказал: «Погоди минутку, я же был один из них. Я-то уж знаю, что мы делали!» А она говорит: «Перестаньте, я прослушала летний курс, и мой учитель мне сказал...»

Маккартни сдался.

— А ведь это в чем-то подводит черту. В этом все дело. Нас было всего четверо, тех, кто действительно знал, что случилось с «Битлз», только четверо на задних сиденьях лимузинов с затемненными стеклами, неплохо повеселившихся в свое время. И мы — те четверо, которые знают. Перевод Олега УСМАНОВА.
(«Роллинг Стоун», 15 июня 1989 г.)

ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, РАССКАЗАЛ

Над кем смеетесь? Такой вопрос эксцентрическому ансамблю «Пикант-шоу» могут задать работники многих предприятий легкой промышленности. Например, швейники Ивантеевского промышленно-торгового объединения имени Дзержинского или Московского швейного объединения «Черемушки», или фабрики «Пролетарская победа». Свои обиды в адрес «Пикант-шоу» легкая промышленность уже не раз высказывала. Чем же так оскорбительно творчество эксцентрического ансамбля для отечественных мастеров кройки и шитья? Казалось бы, наоборот, швейники должны благодарить «Пикант-шоу», поскольку эксцентрический ансамбль в своих выступлениях рекламирует изделия нашей легкой промышленности. Причем изделия эти, одежда и белье, вышедшие из моды несколько десятков лет назад, в самом деле нуждаются в рекламе. Ведь потребители не покупают их ровно столько же десятков лет.

Так что, если разобраться, «Пикант-шоу» и его руководитель Олег Коча

В стиле «Пикант-шоу»

оказывают предприятиям услугу, за которую в странах с деловым подходом к рекламе ансамблю платили бы весьма приличные суммы. У нас, к сожалению, не так. Обиженные промышленники платят «Пикант-шоу» в лучшем случае презрением. В худшем — коллективно, в письмах и заявлениях, требуют немедленного запрета прилюдно демонстрировать все это безобразию! При этом от себя швейники не требуют прекратить выпуск этих моделей одежды и белья. Выходит, давать сатирическую рекламу — неприлично. А год за годом гнать продукцию, годную лишь для сатирических выпадов, допустимо.

Вот почему вслед за Олегом Кочей я могу смело утверждать: эксцентрический ансамбль «Пикант-шоу» в ближайшие годы без реквизита не останется.

Хотя, как человек, достаточно натерпевшийся от причуд легкой промышленности, я с удовольствием помечтала бы о времени, когда артистам «Пикант-шоу» станет совсем нечего высмеивать.

Швейники, слово за вами! Не дайте «Пикант-шоу» процветать и дальше!

Валентина ЦЕРБАКОВА.

ВЕЗУНЧИК... НО НЕ В ЭТОМ ДЕЛО

19-летний певец Дмитрий Маликов стал звездой отечественной эстрады. Тем не менее, он счастливо избежал «звездной болезни». Беседа с ним, никогда не знаешь, началось ли уже собственно интервью. Вместо того чтобы вещать о своем творческом пути, он выпрашивает обо всем: о жизни, о последних впечатлениях. Охотно поддерживает разговор на любую тему. И вдруг из легкой болтовни вырисовывается образ артиста.

— Дим, какой вопрос тебе задают чаще всего?

— «Не тяготит ли популярность?» Тут двойное отношение. Вот, например, на гастролях приходишь в ресторан, недавно так было. Идем группой, наш музыкант спрашивает пообедать. Так администратор его послала далеко. И вдруг узнала меня, оказалось, у нее дочка увлекается моими песнями. Сразу нашелся свободный столик, нас обслужили очень хорошо. Но эти преимущества — из-за издержек системы, обычному человеку, выходит, нельзя нормально поесть.

А плохо... Появляются завистники, недоброжелатели, иногда приходят оскорбительные письма.

То, что поклонницы днями просиживают у нашего подъезда, я не считаю отрицательной чертой популярности. Пусть себе. Только жалко их, занялись бы каким-нибудь делом.

Вообще, сам никогда над вопросом популярности не задумываешься. Нет времени. Много сил отнимает учеба: после музыкальной школы окончил училище при консерватории и сейчас поступил на фортепианное отделение Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Мысли себя серьезным пианистом. Впрочем, не надо представлять музыканта

с утра до ночи тренирующимся на рояле, как механизм. Правда, думаешь все время о работе, о делах, с нею связанных. Я и на досуге слушаю много музыки, и классической, и современной — это очень важно. Всерьез меня интересует только музыка.

В свободные часы люблю просто общаться. Большие компании меня не привлекают: я не пью, не курю — в этом смысле не могу разделить веселье. Гораздо интереснее поговорить с человеком, который может дать новую информацию. Потом думаешь об этом, что-то проходит сквозь творчество. Читаю не так много, как хотелось бы.

У артиста масса обязанностей. Например, занятия спортом. Собираюсь пропустить знакомых профессиональных тренеров, чтобы помогли. А то пришлось сниматься в клипе верхом на лошади. Вы бы видели, как это выглядело за кадром! Еле забрался, чуть не выпал из седла. Непрофессионально, надо научиться. Сейчас учусь водить машину.

Совершенно необходимо подтянуть английский язык. Недавно я подписал 10-летний контракт с Центром Стаса Намина. С его помощью начинаю работать в Лондоне с фирмой PWL. Вероятно, песни придется исполнять и на английском языке. В течение этого года в Москве я должен подготовить для фирмы много демонстрационных фонограмм. И, если все сложится успешно, летом, в каникулы, поеду в Англию записывать диск.

В общем, проблемы такие: если заниматься всем, что нужно артисту, да и любому культурному человеку, времени катастрофически не хватает.

— Дима, сейчас я задам сложный вопрос. Дело в том, что читатели «Ком-

сомольской жизни» в письмах нередко упрекают лично меня как автора — зачем упоминаю в статьях, связанных с другими актерами, группу «Ласковый май». Мол, пусть каждый — сам по себе. Однако другие расценивают твоё искусство, «Ласковый май», Женью Белоусова, Преснякова-младшего «через запятую». Логично, все вы на гребне популярности сегодняшней отечественной поп-сцены. Всегда считалось, что сопоставлять — это путь познания, это не значит непременно кого-то унижать. Скажи, как ты оцениваешь нынешнюю ситуацию в жанре?

— На мой взгляд, отечественная поп-музыка находится в кризисном состоянии. Но это говорит только о том, что нужно стремиться поднимать планку.

Лично я не всем доволен в каждой своей песне. Но стараюсь, чтобы нравилось мне и слушателям. Это же самое главное. А завтра я напишу другие песни, и неизвестно еще, какими они будут.

Вот «Ласковый май» записал пять своих альбомов, и уже видно, что от них можно ждать только подобных песен.

— А от тебя?

— Надеюсь, можно ждать всего, чего угодно. Стараюсь не останавливаться, знание классической музыки помогает искать другие формы.

Что касается текстов, то это зачастую не явления в поэзии. Меня многие упрекают: «романтический мальчик, берешь только внешностью». Может быть, доля правды в этом есть. Но для меня в песне важнее музыка. Я не ставлю себе задачу написать, как говорят, «совковый» шлягер, меня привлекает обработка, «выделка», звучание, саунд. Ну, как есть фирменная вещь и «самостроек». Разница — в аранжировках. Ближе всех по ощущению для меня Вова Пресняков. Мы с ним приятели с малолетства, наши родители вместе работали в «Самоцветах». Он — яркий.

— Твоя творческая судьба складывается куда как успешно. Некоторые полагают, что легкость восхождения тебе обеспечил папа... У тебя в репертуаре всего пять песен, не маловато ли для «раскрутки»?

— Родители не собирались делать из меня «вундеркинда». Никто никогда не заставлял меня заниматься.

Я увлекся эстрадой лет с тринадцати. Однако получившие известность песни сочинил за последний год, и это не так уж мало — пять песен для такого срока.

На ТВ у меня большие проблемы, такие же, как у всех. Если говорить о связях, то пик популярности отцовского ансамбля был давно, с тех пор все начальство в концертной сфере поменялось. Но здесь даже знакомые редакторы еще не гарантия, что будешь в программе. Можно месяцами ходить по телецентру — и ничего. А потом вдруг встретишь человека, у которого передача «горит», и он тебя срочно займет. Могут быть придирки к любому нормальному тексту: слово не понравится — и все. Игры совершенно непонятные, необъяснимые, как часто бывает.

Хотя, в конечном счете, главной гарантией является качество продукции.

Отец помогает мне как менеджер и как хороший, добрый, умный, современный папа. Это много, согласен.

— Каким ты мыслишь свой сценический образ?

— Я не пишу текстов сам, а сформулировать образ — это больше поэзия. Чаще пишу сначала музыку, потом отдаю ее человеку, которому верю. «До завтра», «Студент» и «Брачный кортеж» мы создали вместе с Сашей Шагановым, он писал также тексты для рок-группы «Черный кофе». «Ты моей никогда не будешь» — стихи Давида Самойлова. «Лунный сон» — поэтесса Лилия Виноградова.

Фонограммы в студии записываю полностью сам с помощью клавишного компьютера. Кроме партии гитары. Здесь мне помогали Виктор Зинчук и музыкант группы «Мираж» Алексей Горбачев — очень разноплановый человек, который играет все, от диско до хэви-метал.

На сцене выступаю всегда «минус один», то есть пою вживую. Иметь собственную концертную аппаратуру мне пока не по карману. Да и музыкантов не смог бы «прокормить», не так часто гастролрую. На западном концертном рынке без собственной группы нельзя, придется подтянуть и это.

Кроме песен, пишу инструментальную музыку для роаяля. Нравится симфонизировать, «разукрашивать» современными электронными средствами мелодическую тему роаяля, традиционно образующую центр произведения.

Стремлюсь, чтобы образ был светлым. Это, пожалуй, основное. Образ пока немногoplanовый, но хочется, что-

бы люди хоть сколько-нибудь радовались. Самые лучшие образцы поп-музыки — всегда мажорные. Причем написать песню в мажоре гораздо сложнее, чем в миноре. В мажоре, если не получается, сразу заметна дешевка.

И по внешности стремлюсь к «дорогому» образу. Нести благородство, по мере сил. Мне мечтается перенять вкус к культуре от XIX века.

Принадлежность к своему народу, к своей земле хочется выразить в музыке.

Сохранить фольклорную основу, но не в тривиальном смысле, а чтобы изнутри было. Не народная песня в обработке, а настроение передать, глубину русской души. Чтобы в дискотечной музыке видна была индивидуальность. По-моему, это поднимает интерес к нашей поп-музыке и в Союзе, и во всем мире.

Нина ТИХОНОВА.

На четвертой странице обложки — фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО.

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

Стихи Александра ШАГАНОВА

Здорово, бедный брат студент!
Здравствуй, старина!
Сегодня дел серьезных нет,
Сегодня праздник до утра.

ПРИПЕВ:

Вольному — воля, а спасенным — рай.
Долгий рассказ оставь для первокурсниц,

СТУДЕНТ

Музыка Дмитрия МАЛИКОВА

Вдохни свободный ветер улиц
И сам себя не осуждай.

Покуда горе не беда —
Будет все путем.
Кривая вывезет всегда —
Давай о том с тобой споём.

ПРИПЕВ.

Здо-ро-во, бедный брат студент! Здравствуй, ста-ри-на!
Се-год-ня дел серьезных нет, сегодня праздник до утра.
-ра. Воль-но-му - воля, а спа-се-н-ным - рай.
Долгий рассказ оставь для первокурсниц, вдохни свободный ве-тер
улиц и сам се-бя не о-суж-дай. / -дай.

Подписка non-stop

Если вы не получаете наш журнал, а хотели бы, вы можете подписаться на него с любого месяца. Например, если вы оформите подписку до 28 февра-

ля, то будете читать журнал с апреля. Подписка на шесть месяцев стоит 1 рубль 80 копеек.
Наш индекс — 70442.

Рассказы из одной фразы

Передовой механизатор, добросовестный комсомолец, наслушавшись на собраниях разных речей, решил взять в аренду молочнотоварную ферму номер восемь, и в горьком ему долго жали руки разные руководящие товарищи и обещали всяческую комсомольскую поддержку, но тут подошла зимушка-зима, и передовой рядовой комсомолец, закричав дурным голосом, бежал с фермы номер восемь, потому что корма и стройматериалы никто ему, конечно, не привез, крыша окончательно прохудилась, и снежок весело сыпался на его молодецкий чуб, а последнюю буренку под день рождения комсомола загрызли враги арендного движения — кровожадные несознательные серые волки, которые заходили на ферму номер восемь как к себе домой, потому что двери снял какой-то негодяй еще до первой русской революции.

Шло многочасовое комсомольское собрание на тему «Пора прекращать разговоры и приступать наконец к делу», которое, как оказалось, никто из присутствующих комсомольцев не знал, как делать, и поэтому только и осталось, что говорить, говорить, говорить...

Алексей КУРГАНОВ,
врач.
Коломна,
Московская область.

КОРОЧЕ!

● Медсестер не хватает, поэтому мы все должны научиться вкалывать.

Иосиф ТЕПЛИЦКИЙ.
Могилев-Подольский.

● Если твою личную инициативу назвали самодеятельностью, — как тут не выступать!

● Трудно прервать на полуслове того, кто хочет сказать «Я»!

● Я занимаюсь не своим делом, и хоть бы кто спасибо сказал!

● Чем больше ешь, тем труднее прятаться за чужие спины.

● Его приняли в комсомол. Видимо, не за того приняли.

Анатолий АНИСЕНКО.
Кузнецк,
Пензенская область.

● Самые интересные воспоминания хранятся в провалах памяти.

● Пень дуба считал себя его памятником.

Вячеслав ОСТРОВСКИЙ.
г. Орел.

● На ошибках учатся. Если другие учебники устарели...

● Лучшее всех белые пятна истории знают те, кто их ретуширует.

● А теперь, товарищи, закрывайте глаза: у нас будет тайное голосование!

● Птицы каждый год летают за границу. Ну, и многие из них там остаются?

● Право на труд. Лево — на отдых.

● Лучше всего великое видится на расстоянии в один шаг до смешного.

Владимир БЕДЗИР.
г. Калинин.

БЕШЕНАЯ СТРАСТЬ

Пороки старые, как мир...
Откуда бешеная страсть
Надеть
Хоть маленький мундир?
Иметь хоть крошечную власть?

Вячеслав НАЛЕТОВ.
Киев.

НА ТРИБУНУ XXI СЪЕЗДА ВЛКСМ

- В. Грайворонский**
Перемены необходимы 1

ДЕЛА ВОЕННЫЕ

- Н. Краюшенко, Ж. Сенокосов, Р. Шишов**
С ним или на нем? 4
- А. Фрязин**
Афганистан — Омск — Венгрия 11
- Л. Лошкарева**
Взгляд из строя 13

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

- «Для чужих — враги, для своих —
преступники» 15

РАКУРС

- Б. Вахнюк, Т. Вахнюк**
Разговор... 20

РЕТРО-РОК

- Д. Хенке**
Вернется ли Пол Маккартни? 24

ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, РАССКАЗАЛ

- В. Щербакова**
В стиле «Пикант-шоу» 27

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

- Н. Тихонова**
Везунчик... Но не в этом дело 28

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

- «Студент» 30

ЮМОР

- А. Курганов**
Рассказы из одной фразы 31

В номере — рисунок Юрия РЯЖСКОГО (стр. 4)

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Сдано в набор 08.01.90. Подп. в печать 26.01.90. А02234.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 2. Усл. кр.-отт. 5. Уч.-изд. л. 3,3. Тираж
910 000 экз. Заказ 429. Цена 10 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 125015, Москва, Новодмитровская, 5а.

«Комсомольская жизнь», 1990, № 4.

Главный редактор —
Алексей ШЕВЕЛЕВ

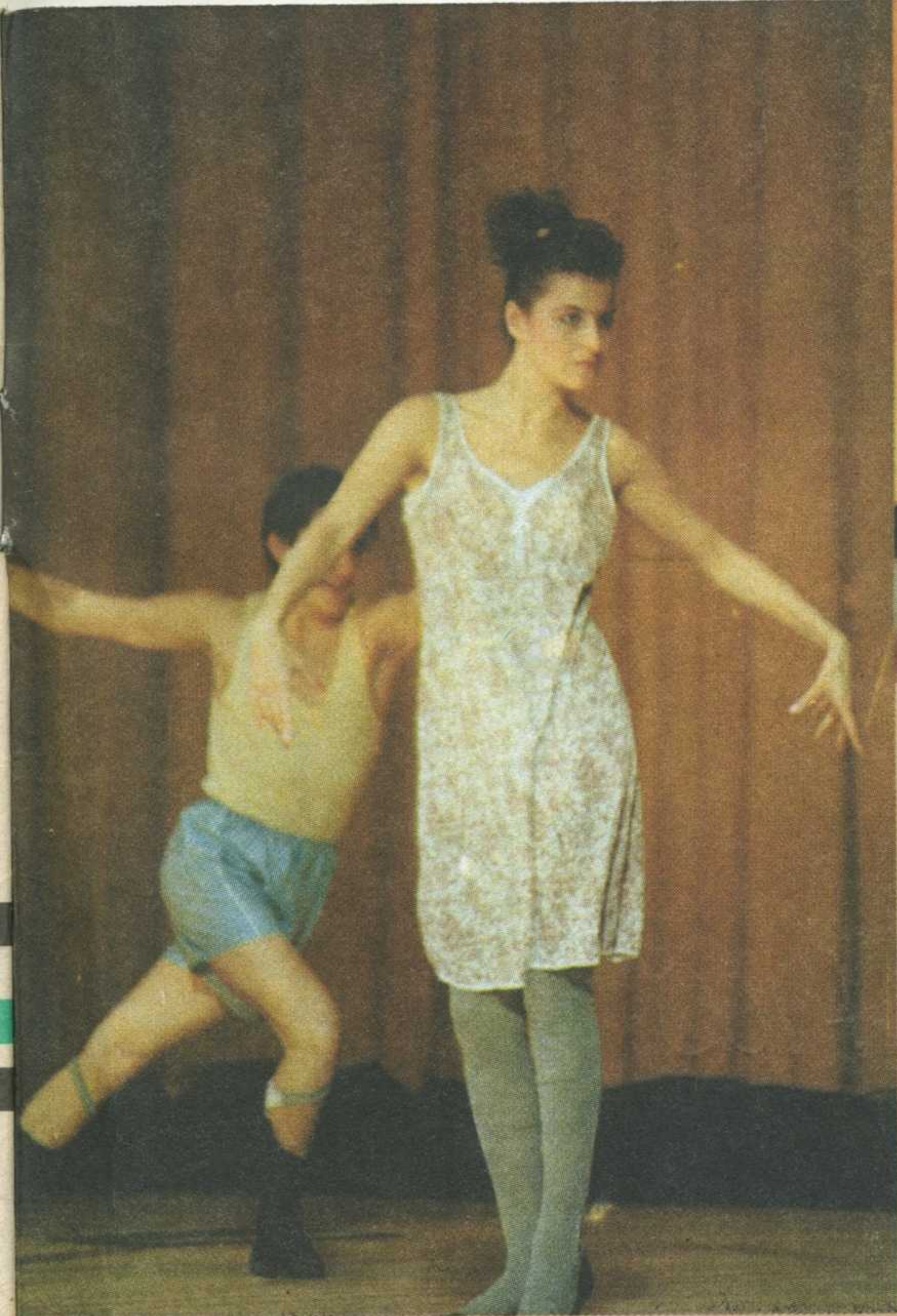
Редколлегия:
Ясен ЗАСУРСКИЙ
Владимир ЗЮКИН
Александр КАНЬШИН
Андрей ЛЕБЕДЕВ
Анатолий ЛОЖКИН
(заместитель главного
редактора)
Тамара МАРАКУЛИНА
(ответственный
секретарь)
Борис НЕПОМНЯЩИЙ
Дмитрий РУНГЕ
Борис РУЧКИН
Татьяна СУХОМЛИНОВА
Валерий ЦЫБУХ
Виктор ЧЕПУРИН
Виктор ШЕПЕЛЬ

Музыкальный редактор —
Владимир ПРЕСНЯКОВ
(младший)

Технический редактор —
Ирина МАКСИМОВА

Адрес редакции:
125015, Москва,
Новодмитровская, 5а

Телефоны:
приемная — 285-07-41,
зам. главного редактора —
285-37-78,
ответственный секретарь —
285-88-46,
отдел комсомольских
организаций — 285-89-49,
285-80-93, 285-80-37,
отдел пропаганды и
агитации — 285-80-47,
285-89-26,
отдел писем, информации
и массовой работы —
285-80-45

В НОМЕРЕ

Обиженные труженики легкой промышленности требуют запретить это безобразие — выступления эксцентрического ансамбля «Пикант-шоу», сатирическую рекламу образцов отечественной одежды и белья. А может быть, лучше запретить самим себе все это выпускать?

Фото Виктора ЛУПАНДИНА.

Дмитрий МАЛИКОВ

10 коп.
Индекс 70442